

MODERN LOVE

ВИКИЛАНД

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ОШИБКА

«Прекрасное
сочетание юмора,
пикантных
разговоров
и личной драмы,
у которой всегда
светлый конец».

USA TODAY

18+

Ви Киланд
Моя прекрасная ошибка
Серия «Modern Love»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48375452
Моя прекрасная ошибка: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-104959-1

Аннотация

Он заметил, что я смотрю в его сторону, и принял это за флирт. Но я заявила, что он придурок, потому что, будучи женатым, переспал с моей подругой.

Он заслужил эту тираду! Посмотрите только, какая насмешливая улыбка озарила его красивое лицо.

Увы, оказалось, я приняла его за другого парня. Ой. Моя ошибка.

Хорошо, что мы никогда не встретимся. Так я думала до следующего утра, а затем вошла в класс, и...

Здравствуйте, профессор Уэст, я ваша новая ассистентка. Буду работать под вами, образно говоря. И все бы ничего, но этот профессор Уэст так дьявольски хорош!

Содержание

Глава 1. Рэйчел	5
Глава 2. Рэйчел	19
Глава 3. Рэйчел	33
Глава 4. Рэйчел	43
Глава 5. Рэйчел	53
Глава 6. Рэйчел	69
Глава 7. Кейн – пятнадцать лет назад	79
Глава 8. Рэйчел	83
Глава 9. Кейн – пятнадцать лет назад	96
Глава 10. Рэйчел	101
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Ви Киланд

Моя прекрасная ошибка

© Бологова В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1. Рэйчел

Наверное, науке еще предстоит доказать неоспоримую связь физического совершенства, обретенного в результате удачного сочетания генов, и тем, что его обладатель, как правило, ведет себя по жизни как настоящий засранец.

Я снова бросила взгляд на предмет воздыханий моей подруги, который стоял у двери в мужской туалет. Разумеется, очередь в женский туалет была намного длиннее – целых пять человек, – ведь только мужчинам позволено отправлять свои естественные потребности безо всяких затруднений. Женатый Парень, шустро перебирая пальцами, набирал какое-то сообщение в телефоне, наверняка соблазняя лживыми обещаниями очередную ничего не подозревающую женщину. Я внимательно посмотрела на безымянный палец его левой руки и кольца там, разумеется, не обнаружила. *Ничего удивительного.* Уверена, с блестящей полоской золота на пальце, символизирующей обещание бесконечной преданности другому человеку, весьма затруднительно морочить голову очередной жертве, делая вид, что ты одинок и находишься в поисках *женщины своей мечты.*

Тьфу на него! Вот ведь говнюк.

Я, конечно, нежно люблю Аву, но на ее месте у меня бы хватило ума с подозрением отнестись к любому тридцатилетнему мужчине, который на первом же свидании понес ти-

пичную для таких случаев чужь.

Я перевела взгляд с руки Женатого Парня на его лицо, когда он поднял голову. О, если бы глаза, как обычно говорят, действительно могли метать молнии. Я скорчила ему презрительную гримасу. И почему я удивилась, когда он улыбнулся в ответ?

Чертов извращенец.

Наверное, решил, что я с ним заигрываю.

Чтобы отвлечься, я вытащила из кармана телефон и попыталась прочитать сообщения. Вот только... без очков не могла разобрать ни одной буквы. Я снова убрала телефон и принялась терпеливо ждать своей очереди, все время чувствуя на себе взгляд Женатого Парня, но, как всем известно, чтобы сурово нахмурить брови, нужно задействовать больше лицевых мышц, чем при улыбке, а этот придурок не стоит ни одной моей новой морщинки.

Воспользовавшись дамской комнатой и чуть не ошпарив руки при попытке их помыть – вода в кафе «У О’Лири» была только одной температуры, то есть почти кипятком, – я была уже готова идти домой. Моя смена закончилась больше часа назад, а Аве было не по себе с того момента, как этот гнусный обманщик заявился в наше заведение, поэтому я не сомневалась, что она захочет побыстрее убежать с работы.

Я вышла из туалета, и тут меня остановил глубокий бархатный баритон:

– Простите, мы с вами раньше не встречались?

Я обернулась и увидела, что ко мне, отлипнув от стены, направляется тот самый Женатый Парень, словно он меня только и ждал. *«Не обращай на него внимания, Рэйчел. Не стоит он ни секунды твоего времени»*. Я посмотрела ему прямо в глаза, чтобы он удостоверился, что я его услышала, а потом развернулась к нему спиной и направилась по длинному коридору в бар.

Но этот тип явно не понял намека. Он пошел рядом, со-размеряя свой шаг с моим, и только раскрыл рот, чтобы что-то сказать, как я резко остановилась.

– Вот что я скажу – ты самый настоящий засранец. Ты знаешь об этом?

У него хватило наглости изобразить на лице крайнее изумление.

– Вы это мне? Так, значит, мы с вами все-таки знакомы?

– Я очень хорошо знаю таких мерзавцев, как ты.

– Да что все это значит, черт побери?

Я закатила глаза.

– Думаешь, если ты весь из себя такой неотразимый, то тебе можно наплевать на чувства людей? Ну, конечно, ведь такие, как ты, всегда выходят сухими из воды благодаря вот такой вот милой улыбочке. Надеюсь, карма рано или поздно ухватит тебя за задницу, твоя милая женушка перетрахаётся с половиной Нью-Йорка и заразит тебя какой-нибудь жуткой венерической болезнью, от которой отвалится твой огромный член, которым ты так гордишься.

Он поднял вверх руки, показывая, что сдается.

– Послушайте, милочка. Не знаю, за кого вы меня принимаете и что преступного, по вашему мнению, сделал мой огромный член, но я абсолютно уверен, что вы меня с кем-то перепутали.

Я всем своим видом попыталась показать, что не верю ни единому его слову.

– Если хотите знать, я здесь с *Авой*.

– *О*, неужели? С *Авой*. Тогда все понятно.

Я буквально зарычала на него:

– Р-р-р... Ну, разумеется, тебе и должно быть все понятно.

Этот извращенец одарил меня улыбкой мощностью в тысячу мегаватт.

– Вы так очаровательны, когда рычите.

У меня чуть глаза не вылезли из орбит от возмущения.

– Ты действительно ко мне клеишься или мне это только кажется?

– Ну, это было бы совершенно недопустимо, верно? Учитывая все, что было между мной и этой, как ее... *Авой*.

– Ну, ты и наглец! – Я развернулась, чтобы уйти.

– Подождите. – Он остановил меня, схватив за руку. – Могу я задать вам один вопрос?

– Что еще?

– Скажите, кто такая эта *Ава*?

Просто уму непостижимо. Ну и тип – возможно, он даже

не помнит имена всех женщин, которых обманул. Я имею в виду, что прошло всего лишь *две недели* с того дня, когда они с Авой спали вместе.

– Убирайся домой к своей жене, *Оуэн*.

Я оставила женатика по имени Оуэн с раскрытым ртом в коридоре и поспешила к столику, за которым Ава молча заливала свое горе спиртным.

– Может, пойдём отсюда? Я немного устала, а мне рано вставать завтра.

Поразмыслив, я решила, что не стоит говорить подруге о моей маленькой стычке с Оуэном. Это может еще больше осложнить их отношения. К сожалению, Ава действительно начала влюбляться в этого мерзавца. Они встречались уже месяц, и за это время он заставил ее потерять голову, скармливая всякую чушь про их счастливую совместную жизнь в будущем с двумя детишками и очаровательным мопсиком.

По иронии судьбы в этом не было ни слова лжи. Действительно, в его будущем присутствовали и двое детей, и мопс. Он вел эту злосчастную скотину на поводке, выгуливая двух маленьких белобрых девчонок, когда Ава случайно наткнулась на него в парке. В своей версии счастливого будущего он забыл только упомянуть *жену*, которая шла рядом с ним, держа в руках совсем еще крошечного младенца.

Ава неловко слезла со стула и теперь стояла рядом, покачиваясь.

– Я сейчас залезу на эту барную стойку и громко скажу

всем женщинам, чтобы они держались подальше от этого гребаного мерзавца.

Если бы я не видела, в каком она состоянии, то с радостью поддержала бы эту затею. Но сейчас я была уверена, что ее попытка взгромоздиться на барную стойку непременно закончится поездкой в травмпункт.

– Брось, он даже чиха твоего не стоит. – Я сняла ее кофту со спинки стула и подала ей. Горестно вздохнув, Ава попыталась ее натянуть, попав в рукав только с третьей попытки.

Стоящий за стойкой Чарли, которому большую часть времени приходилось слушать нашу болтовню, разливал пиво.

– Ну, вот что, девчонки. С этого дня мне нужны имена. – Он так резко поставил полную кружку на стойку, что пиво вспенилось и перелилось через край. – Я буду следить за всеми придурками, с которыми вы обе встречаетесь. – Чарли О’Лири, отставной полицейский, был хозяином бара, где мы с Авой работали, но, как известно, бывших полицейских не бывает.

Я улыбнулась.

– Отлично. Но, имей в виду, я могу не устоять перед искушением и назвать тебе имена типов, которые подозреваются в совершении серийных убийств, просто, чтобы посмотреть, как твои уши от ярости приобретают тот самый восхитительный пунцовый оттенок. – Я наклонилась над стойкой, чтобы поцеловать его в щеку. – Приятного вечера, Чарли.

Он проворчал себе под нос что-то типа «слава богу, что у

меня нет дочерей» и помахал нам рукой.

– Может, выйдем через заднюю дверь? – спросила Ава. – Не хочу проходить мимо него.

– Конечно.

Я подхватила ее под руку, чтобы быть уверенной, что она устоит на ногах. После нескольких шагов я подняла голову и увидела, что Женатый Парень стоит как раз рядом с той самой задней дверью, куда мы направлялись.

– М-м-м, Ава, думаю, нам все же лучше выйти через главный вход. Он сейчас торчит как раз у задней двери.

Ава оглядела холл.

– С чего ты взяла? Он у главного входа, болтает с Салли, новой официанткой.

Похоже, она была пьяна еще сильнее, чем я думала. Я подбородком указала в сторону задней двери, где стоял Оуэн.

– Задний выход там, Ава.

– Я в курсе. Но Оуэн-то у главного входа.

Я нахмурилась.

– Разве это не Оуэн? Вон тот, в синей рубашке?

Ава фыркнула и произнесла пьяным голосом:

– Я же тебе сказала, что Оуэн – это смазливый парень в синей рубашке, а не греческий бог с обложки журнала.

Я повернула голову и осмотрела зал. У главного входа стоял только один парень, которого я до этого не видела, и он болтал с Салли.

– Ты хочешь сказать, что это Оуэн сейчас болтает с нашей

новой официанткой?

Ава снова подняла голову и кивнула.

– Надо было сказать Салли, чтобы дала ему в нос.

– Ава, ты совершенно уверена, что парень, который сейчас стоит рядом с Салли, и есть Оуэн?

– Ну да, это точно он.

– Но рубашка на нем *коричневая*, Ава. А вовсе не синяя.

Ава мотнула головой и снова посмотрела прищуренными глазами в ту сторону, потом пожала плечами.

– Наверное, зрение подвело. Все как в тумане – контактные линзы помутнели от туши и слез.

Когда Ава сказала, что ее бывший только что вошел в бар, и указала в направлении главного входа, там был всего один мужчина в синей рубашке.

Вот дерьмо.

Я устроила разнос не тому парню.

А так как я не могла вывести Аву через главный вход, где торчал *настоящий* Оуэн, то поняла, что попала по полной программе. Разумеется, Лжеоуэн глазел на меня с насмешливой ухмылкой, пока мы шли к выходу.

Он кивнул моей подруге, когда мы проходили мимо.

– Приятного вечера, Ава. И вам тоже, Злюка.

Я повела себя малодушно и прошла, держа голову прямо и стараясь не встречаться взглядом с парнем, пока мы не оказались на улице.

Но Ава не обладала столь сильной волей. Она повернула

голову и неотрывно глазела на Лжеоуэна, пока мы не ушли. Возможно, Ава была сильно навеселе и контактные линзы у нее помутнели, но слепой она точно не была.

– Обалдеть! Ты видела этого мужика? Мне послышалось или он назвал меня по имени?

Я не выдержала и оглянулась как раз в тот момент, когда дверь за нами закрывалась. Лжеоуэн с наглой ухмылкой помахал мне на прощание.

– Конечно, послышалось.

* * *

Боже, кажется, я опаздываю.

Мало того, что в воскресенье я отработала две смены в баре, утром в понедельник у меня были занятия, и, в довершение всего прочего, я пролила кофе на блузку, когда была вынуждена резко притормозить, пропуская старичка за рулем огромного кадиллака. Он почему-то решил, что ему надо срочно повернуть влево с крайней правой полосы.

Первый день семестра всегда казался мне кошмаром. Студенты бродили по кампусу, как неприкаянные, останавливались посреди дороги, кто-то объяснял им, как пройти в тот или иной корпус. Я отчаянно просигналила двум первокурсникам, которые сейчас именно этим и занимались, и они посмотрели на меня с раздражением.

«Ну же, убирайте свои задницы с дороги».

Объехав парковку три раза, я наконец нашла свободное место и припарковалась у северного корпуса, а потом принялась рыться в бардачке в поисках нужной вещи. Половина содержимого бардачка вывалилась на пол.

Вот он.

Я сунула старый штрафной парковочный талон за дворник ветрового стекла и поспешно направилась в лекционный зал номер 208. Мне безумно хотелось в туалет, но придется потерпеть до окончания лекции. О профессоре Уэсте я знала три вещи помимо того, что он был с композиторского факультета. Первое: он избавился от предыдущей ассистентки, потому что та отказалась так же строго оценивать работу студентов, как и он сам. Второе: всю прошлую неделю, когда я говорила кому-то, что меня перевели в ассистенты к профессору Уэсту, все корчили гримасы, сообщая при этом, что он жуткий зануда, которого несколько лет назад чуть не уволили. И, наконец, третье: он терпеть не мог, когда студенты опаздывали. Обычно он запирал двери аудитории сразу после начала занятий, чтобы опоздавшие не мешали ему читать лекцию.

Все это не сулило мне ничего хорошего. Но какой у меня был выбор? Мою должность ассистентки профессора Кларенса упразднили три недели назад, когда он внезапно умер от аневризмы. В этой ситуации мне еще повезло, что нашлась хоть такая подработка. Лишившись должности помощника профессора, я не смогла бы продолжать учиться в

консерватории, ведь я и так работала официанткой на полной ставке в баре «У О’Лири», чтобы оплачивать жилье и частично обучение.

Когда я подошла к аудитории, капельки пота стекали по шее в вырез блузки. Дверь, как и ожидалось, была закрыта, и я помедлила минуту, пытаясь привести себя в порядок – пригладила темные непокорные локоны, слегка влажные от бега по коридору. Бесполезно было даже пытаться избавиться от кофейного пятна на правой груди, поэтому я подняла руки и прикрыла его кожаным портфелем, который несла в руке. Сделав глубокий вдох, я потянулась к ручке двери.

Она была заперта.

Вот дерьмо.

Что же мне делать? Я посмотрела на экран телефона, чтобы уточнить время. Оказывается, я опоздала всего на восемь минут, и это лишь первый день осеннего семестра, но я слышала за дверью голос профессора, который уже начал читать лекцию. Стоит ли постучать и прервать занятие, зная, что у профессора на этот счет пунктик? Или же вообще не показываться в первый день на новой должности?

В конце концов, опоздание – меньшее из двух зол.

По крайней мере, я так думала.

Я несколько раз осторожно постучала в дверь в надежде, что кто-нибудь из студентов на задних рядах услышит и я смогу прокрасться на занятия незамеченной.

Зычный голос профессора умолк, когда дверь открылась.

Это был лекционный зал в виде амфитеатра, и я вошла в дверь у верхнего его ряда, а профессор, разумеется, находился внизу. К счастью для меня, в этот самый момент он стоял ко мне спиной и писал что-то на доске, поэтому я на цыпочках тихонько прошла к первому свободному месту на последнем ряду. «Спасибо», – со вздохом облегчения прошептала я своему спасителю.

Но, как оказалось, радоваться было рано.

Профессор, продолжавший что-то сосредоточенно писать на доске, вдруг подал голос:

– Кто тут у нас опоздал?

Вот черт!

Мне захотелось вжаться в свое кресло и сделать вид, что это не я. Но я все же была ассистентом профессора, а не простой студенткой. Нужно, чтобы студенты меня уважали, так как время от времени мне придется вести у них занятия.

Я кашлянула.

– Это я опоздала, профессор.

Он отложил маркер, которым писал на доске, и повернулся ко мне.

Я поморгала. Наверное, зрение меня подводит. Я полезла в сумочку, извлекла очки и надела их – хотя вдаль я видела превосходно, – как будто бы очки могли все изменить и человек, который стоял сейчас передо мной в аудитории, каким-то чудом мог перестать быть тем, кем он был.

Но он не мог быть никем другим.

Ошибиться я не могла. Его лицо невозможно было забыть.
Чертовски прекрасное лицо.

Это был *он*.

Черт, черт, черт!!

Это действительно был *он*.

Ну я и попала, твою ж мать.

И попала по-крупному.

Профессор оглядел аудиторию, в которой было не меньше двух сотен студентов, безуспешно пытаюсь определить, откуда раздался голос. Я молила Бога, чтобы он оставил эти попытки и ограничился бы общим предупреждением присутствующим, заявив, что впредь не потерпит опозданий.

Но удача была не на моей стороне. Как, впрочем, и всегда.
– Встаньте. Опоздавшая, встаньте, пожалуйста.

О, нет, только не это...

Я чувствовала в животе свинцовый ком, мысленно прощаюсь со скидкой на плату за обучение в размере двадцати пяти тысяч долларов, которую я имела как ассистент профессора. Но профессор ждал, и выкрутиться из этой ситуации не получится. Похоже, у меня будут проблемы.

Я нерешительно поднялась, затаив дыхание в надежде, что он меня не узнает.

Может, вчера вечером он тоже хорошенько выпил и не вспомнит нашу короткую перепалку в баре?

– Я не потерплю опозданий студентов. Это мешает мне вести занятия.

– Я понимаю, извините.

Свет, падающий сверху, ярко освещал лицо профессора, словно он был актером на сцене, что мешало ему хорошенько разглядеть тех, кто сидел на верхних рядах аудитории. Он козырьком приложил руку ко лбу, чтобы лучше нас видеть. Я стояла за двадцать рядов от него, на расстоянии около 50 метров, но, когда наши глаза встретились, мне показалось, что в комнате остались только мы двое.

Я в ту же минуту поняла, что он меня узнал. Мне казалось, что все происходит, словно при замедленной съемке. Его красивое лицо медленно расплылось в улыбке, правда, не совсем дружелюбной. Мне он сейчас напоминал пса, который только что загнал котенка в угол и собирается повеселиться вдоволь, играя с несчастным крохотным созданием.

Я нервно сглотнула.

– Этого больше никогда не повторится, профессор. Я – Рэйчел Мартин. Ваша новая ассистентка.

Глава 2. Рэйчел

Аудитория опустела. Я даже не была уверена, знал ли он, что я все еще тут. Если он и знал, то виртуозно не обращал на меня внимания, делая вид, что полностью поглощен упаковыванием ноутбука.

– Вопреки слухам, которые до вас, вероятно, доходили, я вовсе не кусаюсь.

Я едва не подпрыгнула от неожиданности, когда он заговорил. Теперь, когда в лекционной аудитории не было толпы студентов, его глубокий голос благодаря акустике большого пространства отразился раскатом от всех стен.

Я встала и поплелась к кафедре, сгорая от стыда. Безусловно, я в любом случае обязана принести свои извинения этому человеку, даже если бы он не был профессором, причем профессором, который будет моим новым боссом, по крайней мере, на следующие пятнадцать недель. Я готова была надавать себе пинков за то, что не извинилась вчера вечером, перед тем как уйти из бара. Ведь теперь все будет выглядеть так, будто я делаю это только из-за ситуации, в которой сейчас оказалась. Что, конечно, было правдой, не поймите меня неправильно, но я просто не хотела, чтобы это именно так и *выглядело*.

Я глубоко вздохнула, прежде чем выдать из себя:

– Я сожалею о том, что произошло вчера. Простите меня,

пожалуйста.

Его лицо оставалось непроницаемым.

– Я так и думал, что вы будете сожалеть, причем именно сейчас.

– Я, совершенно очевидно, приняла вас за кого-то другого.

– Я так и понял. Вы приняли меня за какого-то засранца. Того, с огромным членом, да?

Я зажмурилась. Все последние полтора часа я снова и снова прокручивала в голове вчерашний разговор. Я думала, что помню все, каждое свое слово, но, видимо, нет. Когда я открыла глаза, профессор Уэст все еще смотрел прямо на меня. Его взгляд был чертовски пронзительным.

– Видите ли, – начала бормотать я, – моя подруга Ава встречалась с этим парнем, Оуэном, целый месяц или около того. Он с самого первого дня вел себя как полное дерьмо, но она этого не видела. Однажды вечером, когда она собиралась уходить с работы, он подошел к ней и заявил: «Не возражаешь, если я провожу тебя домой? Моя мать всегда советовала мне следовать за своими мечтами». И она, как дура, сразу же купилась на это. А потом, как-то раз в субботу, он сказал ей, что должен уехать из города по делам, а она сама оказалась на другом конце города, по поручению своей матери. Она решила срезать путь через Мэдисон-сквер-парк, возвращаясь из продуктового магазина, и в парке столкнулась с ним. Он там прогуливался вместе со своей женой и

детьми.

– И вы, очевидно, приняли меня за него?

Я кивнула.

– Она заглянула ко мне вчера в бар во время моей смены и заказала коктейль со льдом «Лонг-Айленд». Когда пришел Оуэн, она кивнула на него и сказала, что это он там стоит в синей рубашке.

– И мы оба оказались в синих рубашках, я правильно понимаю?

Я не могла не улыбнуться, вспоминая о том, какой была Ава в ту ночь.

– На самом деле, нет. Ава не большая любительница выпить. И в тот вечер, как оказалось, она была сильно пьяна. Рубашка на Оуэне была коричневой, даже не черной, которую можно было бы принять за темно-синюю.

Я заметила, как губа профессора Уэста чуть дернулась.

– В любом случае мне и в самом деле очень жаль. Я едва ли дала вам возможность произнести хоть слово, а потом, когда поняла, что произошло, была настолько подавлена и растеряна, что даже не остановилась, чтобы извиниться перед вами.

– Я принимаю ваши извинения за вчерашний вечер. И хотя опасно одной подходить к незнакомому мужчине в баре, чтобы отругать его, ваши намерения достойны восхищения.

Мне следовало бы в тот же момент заткнуться и быть благодарной, что он принял мои извинения. Следовало бы, но

нет, черт меня дернул спросить:

– А что в этом опасного?

Он смерил меня взглядом.

– Потому что в том шумном баре, если бы мне пришло в голову затащить такую пигалицу, как вы, в мужской туалет и запереть дверь, то никто бы вас не услышал и не пришел вам на помощь.

Я скрестила руки на груди.

– Я и сама могу о себе позаботиться.

– Я не говорю, что вы не можете о себе позаботиться. Я говорю лишь, что вам не следует ставить себя в подобное положение.

– Но в ваших словах был явный намек на то, что я не могу постоять за себя.

Он застегнул молнию на своей сумке.

– Мисс Мартин, я только что принял ваши извинения за то, что вы вчера вечером назвали меня засранцем. Вы хотите, чтобы я пожалел об этом?

Боже, я и в самом деле дура. Похоже, рядом с этим человеком я теряю способность соображать.

– Нет. Извините меня. Я вела себя как кретинка и, если это возможно, хотела бы начать все сначала.

Он кивнул.

– Разумеется. Будем считать, что все вчерашние недоразумения забыты.

– Спасибо.

– Но не то, что произошло сегодня. Я не терплю опозданий. Надеюсь, больше этого не повторится.

Я сглотнула.

– Да, конечно.

Он накинул на плечо длинную ручку своей потертой коричневой кожаной сумки с ноутбуком.

– Встретимся здесь завтра в пять. Нам надо будет обсудить учебную программу и занятия, которые вы будете вести, а также мои требования к оценке работы студентов.

Это время как раз приходилось на середину моей смены в баре, но я решила, что что-нибудь придумаю.

– Хорошо.

– Вы закончили здесь свои дела на сегодня?

– Да, но вообще-то мне уже пора на работу. Я заменяю сегодня Аву, потому что она не очень хорошо себя чувствует после вчерашнего вечера. Мы с ней обе работаем в баре «У О’Лири».

– Вы работаете там официанткой?

– Официанткой, барменшей, иногда разбираюсь с посетителями, когда они ведут себя слишком шумно.

Профессор Уэст наградил меня широкой улыбкой. О боже, он должен улыбаться как можно чаще. Нет, забудь! Определенно будет лучше, если он вообще не станет этого делать.

– Пойдемте, я с вами.

Мы вместе прошли по коридорам и спустились на парковку. Когда мы подошли к моей машине, я остановилась.

– Это моя. Итак... до завтра? Встречаемся в пять?

Профессор Уэст взглянул на мою потрепанную «Субару».

– Вы припарковались на месте, отведенном для проректора. У вас штраф за парковку в неподобающем месте. – Он прищурился. – Вообще-то, похоже, у вас два штрафа. У вас техосмотр просрочен или еще что-то?

Вот дерьмо.

– М-м-м... нет. Я просто держу лишний квиток в бардачке и приклеиваю его на лобовое стекло, когда мне приходится парковаться с нарушениями.

Его брови взлетели вверх.

– Вы очень изобретательны.

– Само собой, это не всегда срабатывает.

– Разумеется.

– Им нужно расширить парковку. Когда опаздываешь, просто невозможно найти место.

Он некоторое время смотрел на меня.

– Насколько я понимаю, для вас опоздание – довольно частое явление?

– К сожалению, это так.

– Тогда я должен прояснить кое-что из того, что сказал ранее.

– О нет, в этом нет никакой необходимости. Я не буду опаздывать на ваши занятия.

Он шагнул ближе и наклонился.

– Рад это слышать, мисс Мартин. Но это вовсе не то, что

нуждается в уточнении.

Я нервно сглотнула. *Боже, как же он хорошо пахнет.*

– Раньше я говорил вам, что не кусаю студентов. – Он ехидно улыбнулся, и я почувствовала, как эта улыбка отозвалась у меня в некоторых интересных местах. – Так вот, я их действительно не кусаю. Но вовсе не обещаю не кусать вздорных ассистенток.

* * *

У некоторых девочек были отцы, которые принимались чистить ружья, когда мальчики начинали околачиваться возле их дома. У меня был Чарли.

Хотя в Нью-Йорке курение в ресторанах и барах запретили, по крайней мере, лет десять назад, Чарли все еще продолжал смолить «Venson & Hedges» без фильтра за стойкой своего бара. Да и кто бы осмелился что-то сказать внушительному экс-копу по этому поводу?

– Так кто этот человек, с которым ты сегодня встречаешься? – Он вытащил бейсбольную битку, которую держал за стойкой, и положил ее сверху. – Я оставлю это здесь, на виду, когда он придет.

Я засмеялась, поднимая поднос с напитками.

– Все в порядке, Чарли. Это тридцатидвухлетний бухгалтер из Верхнего Ист-Сайда.

– Пусть это не вводит тебя в заблуждение. Внешность мо-

жет быть обманчивой. Соль чертовски похожа на сахар, дорогая.

Честно говоря, я и сама не понимала, зачем собиралась сейчас встречаться с кем-то. С тех пор как восемь месяцев назад наши с Дэвисом отношения закончились, у меня наметился перерыв в свиданиях. Не было ни времени, ни сил связываться в новые отношения. Не говоря уже о том, что у меня и не было такого уж большого списка претендентов. В основном я собиралась встречаться, просто чтобы подбодрить Аву. Прошлой зимой на свое двадцатипятилетие она рассталась с парнем, с которым встречалась целых семь лет. Они были вместе со старших классов. После того как она несколько месяцев проходила надутая, я наконец уговорила ее подписаться на один из сайтов знакомств. Я тоже подписалась в знак солидарности, хотя у меня тогда не было никакого желания с кем-либо знакомиться. Что и говорить – прекрасная идея! На этом сайте Ава как раз и подцепила этого женатика Оуэна. С медвежьими услугами таких друзей, как я, она в мгновение ока окажется на прозаке.

Я принесла напитки к седьмому столику и приняла заказ от восьмого, хотя моя смена уже закончилась. В принципе, я просто тянула время, так как мне страшно не хотелось идти переодеваться и готовиться к свиданию. Обслуживание в баре «У О’Лири» заканчивалось в любое время после восьми, по желанию владельца, и девизом Чарли было: *«На этой улице рядом есть закусовая. На выходе не позволяйте две-*

ри ударить вас по заднице», для тех, кому это не нравилось.

Сняв форму, я умылась в ванной, быстренько нанесла тушь на ресницы и блеск на свои полные губы и посмотрела в зеркало. Мне повезло, что от матери в наследство мне досталась чистая от природы фарфоровая кожа, поэтому я никогда не увлекалась большим количеством косметики. Я хотела было подкрасить еще и свои зеленые глаза черной подводкой, но поленилась. И так сойдет, подумала я. Разумеется, это были не те усилия, которые следовало бы приложить при подготовке к первому свиданию.

После нашего первого обмена письмами Мэйсон показался мне достаточно милым, и я продолжала общаться с ним в течение последних нескольких недель. Ему можно было поставить плюсы по всем пунктам, по которым я определяла подходящего для меня парня: высокооплачиваемая работа – плюс. Вежливый – плюс. За тридцать, но до сорока еще далеко – плюс. Не использует такие фразы, как «стопудово» и «это мой косяк» в своих сообщениях – плюс. Симпатичный. Ухоженный. Плюс, плюс. Я должна была бы больше волноваться перед встречей с ним. Ведь с тех пор, как мы расстались с Дэвисом, прошло уже достаточно много времени – пора двигаться дальше.

Я заметила его раньше, чем он меня. Я направлялась в кладовую, чтобы взять несколько бутылок текилы для Чарли, и увидела оглядывающего зал Мэйсона. Он выглядел так же, как на своих фотографиях, так что – еще один плюс. Может

быть, не такой мускулистый, как я ожидала, но не настолько хилый, чтобы неприятно удивить меня. Он был среднего роста, среднего телосложения и довольно красив, но при взгляде на него у вас не перехватывало дыхание и не начинали порхать бабочки в животе. Мэйсон тоже был в синей рубашке, и это сразу же напомнило мне о встрече с профессором Уэстом прошлой ночью. Странно, но при воспоминании о нем меня отчего-то бросило в жар.

«Не обещаю не кусать вздорных ассистенток».

Я потрясла головой, чтобы физически встряхнуть свой мозг, заставляя его вспомнить о таком понятии, как здравый смысл, и глубоко вздохнула, прежде чем пойти встречать Мэйсона.

* * *

Вам знакомо то чувство, когда собираешься что-то попробовать и думаешь, что это имеет один вкус, а оно оказывается чем-то совершенно иным? Например, воду с содовой? Дело не в том, что вам не нравится ни то, ни другое, просто вы были готовы к чему-то безвкусному и негазированному, а вместо этого получаете неожиданно шипучий напиток – очень шипучий.

Мэйсон оказался таким шипучим напитком, когда я ожидала воду из-под крана. Возможно, то, что он был *бухгалтером*, и привело меня к такому предвзятому мнению о нем.

Но он оказался гораздо более самоуверенным и напористым, чем я думала.

– Ты действительно великолепна. Не то чтобы я полагал иначе, судя по твоему снимку на сайте, но там было только фото лица. Пожалуй, я не ожидал увидеть настоящую Меган Фокс от шеи и ниже.

– Благодарю...

Это был комплимент, но мне не понравилось, как Мэйсон на меня при этом смотрел. Мы поели в кафе дальше по улице, а потом вернулись в наш бар, чтобы выпить. Глаза Мэйсона блуждали по моему телу, когда он потягивал свой четвертый виски с колой, что стало еще одним красным флажком – до того он выпил три бокала во время ужина, и это на первом-то свидании? С каждым разом он становился все развязнее, и мне это нравилось все меньше и меньше.

– Ты говоришь, что ты стопроцентный итальянец, верно?

– Не совсем. Во мне есть и немного немецкой крови. – Он наклонился вперед и положил руку мне на колено. – Как насчет того, чтобы сегодня вечером в тебе тоже оказалось немного немецкого?

Тьфу ты. Я как раз собиралась сказать этому идиоту, что сегодня ему придется играть самому с собой, когда Чарли опередил меня, прервав наш диалог. *С помощью бейсбольной биты.* Он плюхнул ее на стойку прямо между нами, заставив Мэйсона буквально отпрыгнуть назад.

– Как у вас тут, все в порядке? Что-то моя девочка вовсе

не выглядит счастливой.

Я не собиралась устраивать сцену. Просто хотела, чтобы мое неудачное свидание наконец-то закончилось.

– Это твой отец? – спросил Мэйсон.

Я проигнорировала его и обратилась к Чарли:

– Все нормально. Мы все равно уже собирались заканчивать.

Мэйсон так ничего, похоже, и не понял. Заглотив остатки своего напитка, он поднялся.

– У меня или у тебя? – спросил он.

– Ты пойдешь к себе. А я – к себе.

Мэйсон потянулся ко мне, и я отступила на шаг.

– Иди домой, Мэйсон. Иначе ты вернешься домой с битой Чарли в заднице.

Сообразив, что трах на сегодня отменяется, Мэйсон заплатил по счету и был таков. Я улыбнулась Чарли, когда он ушел.

– Ты удвоил цену на виски с колой?

– Наценка за дебилизм.

Я рассмеялась. Не желая уходить сразу после Мэйсона, я решила немного посидеть в баре с Чарли.

– Все эти свидания – полный отстой, – фыркнула я. – Неудивительно, что я решаюсь на это не так уж часто.

– Хорошо, что в мое время свидания не были такими, как сейчас. Иначе я бы никогда не встретил свою Одри.

Жена Чарли умерла лет десять назад от сердечного при-

ступа, ей тогда было пятьдесят с небольшим.

– И как же вы познакомились?

– По старинке, в продуктовом магазине.

– Очень мило. И что, ваши тележки врезались друг в друга, как в кино?

– Что-то вроде того. Одри стояла в овощном отделе, выбирала баклажаны и потом положила свои покупки в чужую тележку. Она была уже на полпути к кассам, когда поняла, что тележка не ее. Тогда она вернулась к овощному отделу, чтобы найти свою тележку, и только тут заметила, что в тележке, которую она везла, лежал написанный от руки список покупок.

– Так она взяла твою тележку?

– Ага. Она протянула мне список и сказала: «Я перепутала тележки. Мне не хотелось бы, чтобы вы забыли о чем-нибудь важном из вашего списка».

– А что, интересно, было в твоём списке?

Чарли пожал плечами.

– Там было написано: «*Сыр и прочее дерьмо*».

Я шутливо нахмурила брови.

– Что? Там так и было написано: «*Сыр и прочее дерьмо*»?

Не список с сыром и перечислением другого дерьма?

– Тогда мне было важно не забыть о сыре. Я люблю съесть кусочек чеддера перед сном. «*Другое дерьмо*» означало просто все остальное и было для меня не так важно. – Чарли с мечтательным видом уставился в пространство. – Как бы то

ни было, Одри тогда улыбнулась, и мое сердце сделало этот странный двойной затяжной скачок, который никогда не делало раньше. Я подумал уже, что у меня случился сердечный приступ. Пришлось сесть рядом с баклажанами, чтобы отдышаться. Словом, оказалось, что тогда в супермаркете я приобрел далеко не только сыр и всякое дерьмо.

– Может, и мне стоит попробовать знакомиться в супермаркете? Видимо, онлайн-знакомства – это не для меня.

– Никогда не пробовал, но это мне кажется довольно глупым. Сначала вас заставляют составить дурацкий список всех тех качеств, что вы ищете в партнере, а затем вы пытаетесь найти людей, которые соответствуют вашим требованиям. Но в реальности нет разницы, какие галочки и куда вы поставили. Если только вы встретите нужного вам человека, ваше сердце сразу даст вам знать. – Он подмигнул. – Да и другие части тела тоже.

Глава 3. Рэйчел

На этот раз я не просто опаздывала – я *катастрофически* опаздывала.

Мне одновременно требовались душ, автомеханик, бутылка вина и, вполне вероятно, новая работа – причем не обязательно в этом порядке. Подумать только, я выехала на полчаса раньше, и ехать мне было всего четыре квартала до колледжа. Уйма времени для того, чтобы найти свободное место на парковке и войти в аудиторию на пятнадцать минут раньше назначенного для встречи времени, чтобы показать Профессору Пунктуальность, что опаздывать не в моих привычках.

А потом... у меня лопнула шина. Раздался оглушительный хлопок, а вслед за ним – протяжное шипение. Я попыталась не обращать на это внимания и продолжала ехать, но звук хлюпающей резины и рывок влево заставили меня затормозить.

Удавиться можно! Но у меня еще было время, а мой бывший сосед по квартире – и в придачу бывший бойфренд – Дэвис в свое время научил меня менять шину, что я и попыталась сделать. И вначале я с этим вполне справлялась. Я достала домкрат, подняла корпус машины, как настоящий профессионал, и принялась за работу над лопнувшим колесом. Вначале все шло просто замечательно, пока я не дошла до

последней зажимной гайки. Как оказалось, проклятая штурковина намертво застряла и никак не хотела сдвигаться с места. Она находилась справа от центра колеса, и я отчаянно давила ногой на гаечный ключ, который торчал параллельно земле, но все напрасно. Тогда я не придумала ничего лучше, как использовать всю силу своего веса, чтобы разблокировать гайку. Я подпрыгнула и всем весом опустилась на гаечный ключ, надеясь, что моя отчаянная попытка увенчается успехом. Но не тут-то было – гаечный ключ соскочил и отлетел, больно ударив меня по голени.

Теперь я опаздывала уже на целых двадцать минут, нога страшно болела, и мне пришлось ковылять в колледж при тридцатиградусной жаре. К тому же от меня отвратительно несло машинным маслом. Оставалось только надеяться, что у профессора Уэста тоже что-нибудь случилось по дороге и он сам опоздает. Конечно, вероятность такого стечения обстоятельств стремилась к нулю, но мне надо было хоть за что-то зацепиться, чтобы избежать нервного срыва, когда я со всех ног бежала по коридорам колледжа.

Подбежав к лекционному залу, я осторожно посмотрела в щелку двери, прежде чем ее открыть. Разумеется, профессор Уэст уже сидел за своим столом.

Я сделала глубокий вдох и вошла навстречу неизбежности.

– Прежде чем вы что-то скажете, сообщаю, что вышла из дома на полчаса раньше, чем обычно. Клянусь.

В этот момент профессор что-то писал в ежедневнике, и, когда он поднял голову, я в первый раз увидела на его лице очки. *Вот черт. В них он еще сексуальнее.* Неужели я совсем спятила, если его недовольная физиономия кажется мне привлекательной?

– И что же случилось сегодня, мисс Мартин? Где вы затерялись в промежуток времени между незаконной парковкой и прибытием в аудиторию? Возможно, решили поваляться в грязи?

– Что?

Он оглядел меня с ног до головы.

– У вас все лицо и одежда чем-то перепачканы.

Я невольно потянулась к щеке и потерла ее.

– А, это. Это не грязь. Это машинное масло.

– Думаете, это лучше?

– У меня лопнула шина по дороге сюда. – Я не представляла, в каких местах испачкано мое лицо, но так нервничала, что продолжала его тереть, пока говорила. – Гайка намертво застряла, и я никак не могла ее открутить. Я пыталась...

– Мисс Мартин, – прервал он меня. – Немедленно прекратите.

– Но это сущая правда. Я действительно пыталась попасть сюда пораньше. Специально выехала задолго до нашей встречи, и тут – бац – колесо лопнуло. Поверьте, я опоздала не по своей вине.

– Я говорил вовсе не о вашей немислимой истории. Пре-

кратите тереть лицо. Посмотрите на свои руки.

Я бросила взгляд на ладони. *Блин*. Они были сплошь покрыты машинным маслом.

– И на лице у меня то же самое?

Профессор вытащил из ящика стола бумажные салфетки, встал и подошел ко мне.

– Ваше лицо все измазано этим самым маслом. Почему бы вам не посетить дамскую комнату и не привести себя в порядок?

Я послушно кивнула, повернулась и сделала несколько шагов к двери, но внезапно спохватилась.

– А вы будете здесь, когда я вернусь?

Профессор Уэст улыбнулся.

– Конечно, Рэйчел. Я буду вас ждать. Нам же еще предстоит поработать.

После того как я отскребла машинное масло с рук и лица, я решила отмыть и большое пятно на блузке, но ничего не вышло. Я уже трижды встречалась со своим новым боссом. В первый раз я наскочила на него с нелепыми обвинениями, во второй раз помешала ему читать лекцию, опоздав и заявившись в аудиторию в одежде, залитой кофе, а в третий раз я заставила его прождать полчаса и прибежала вся вымазанная машинным маслом, как чучело. Прогресс налицо.

Когда я вернулась в аудиторию, профессор Уэст уже сложил свои вещи.

– Простите. У вас, наверное, сейчас занятия?

– Вовсе нет. Но скоро начнет темнеть, поэтому нам надо поспешить.

Темнеть?

– М-м-м... Хорошо. Может, переназначим встречу на другое время? Может, я приду завтра перед занятиями, и вы быстро объясните мне, какие обязанности я должна выполнять?

– Ну уж нет. Мы все сделаем сегодня. – Он положил руку мне на поясницу и легко подтолкнул к ступенькам, ведущим к выходу из лекционного зала. – Вам же сегодня не надо идти на свою вторую работу, не так ли?

– Нет. Я взяла выходной.

– Сейчас здесь больше не будет занятий, поэтому мы сможем вернуться сюда после того, как все закончим.

– Что закончим?

– Чинить вашу машину. Я поменяю вам колесо и отвезу вас в шиномонтажную мастерскую, чтобы вы купили новую шину. А потом вернемся и займемся нашими делами.

– Вы собираетесь поменять мне колесо?

– Конечно же, я не брошу вас в затруднительном положении, Рэйчел.

– Вам вовсе не обязательно это делать, профессор Уэст.

– Разумеется, обязательно. И, пожалуйста, называйте меня Кейном.

Надо сказать, что, помимо красивого лица, Кейн обладал и сильным мускулистым телом. На нем была белая рубашка, которую он снял, прежде чем приступить к замене колеса, оставшись в тонкой белой обтягивающей майке. Когда он крутил гаечный ключ, я не могла не залюбоваться его мышцами, которые бугрились при каждом движении. Он сумел разблокировать ту зловредную гайку, правда, не без усилий. У него были самые восхитительные в мире бицепсы, перекачивающиеся под загорелой кожей, с голубыми венами, идущими от них к предплечьям. Если бы кому-нибудь пришлось в голову снять эротический фильм о красоте мужских рук, то это было бы как раз то самое. Наверное, с моей стороны неприлично было так уж откровенно глазеть на него, но я просто не могла удержаться.

В какой-то момент, когда Кейн снял колесо и поднял его, чтобы положить в багажник, его короткая майка задралась, открывая V-образные линии в нижней части живота с рельефными, красиво очерченными мышцами. Я едва сдержала желание протянуть руку и прикоснуться к его кубикам, провести пальцами по полоскам редких волосков, идущим от пупка и скрывающимся под черной резинкой трусов, выглядывающей из-под брюк.

Кейн разместил колесо в багажнике и принялся устанав-

ливать запасное колесо-докатку.

– Вам следовало бы приобрести полноценное запасное колесо, – произнес он, закручивая гайки. – Эти маленькие докаты небезопасны, ведь они нарушают баланс колес, и если вы столкнетесь со сложной дорожной ситуацией, то велика вероятность, что вас занесет.

Произнося все это, он часто поднимал на меня глаза и чуть не поймал меня за откровенным разглядыванием его великолепного тела. Я поняла, что надо как-то отвлечься, поэтому направилась к машине и достала телефон, чтобы найти адрес ближайшей автомастерской.

Солнце уже садилось, когда Кейн положил домкрат обратно в багажник и захлопнул его. Несмотря на то что стало прохладнее, воздух все еще оставался очень знойным. Кейн был весь покрыт потом, и его майка была безвозвратно испорчена.

– Похоже, я теперь должна вам новую майку, – произнесла я, с сожалением глядя на покрывающие ее масляные пятна.

Он весело посмотрел на меня.

– Ну, если уж она испорчена, найдем ей хорошее применение.

С этими словами Кейн вытер покрытые машинным маслом ладони о ткань на груди, оставляя масляные линии на последних чистых местах, а затем стянул грязную майку через голову.

При виде его великолепного тела я, кажется, так и засты-

ла на месте с отвисшей челюстью. Не знаю, заметил ли он, как жадно я на него пялюсь, но я просто глаз не могла отвести от такого потрясающего зрелища. Между тем он вытерскомканной майкой пот с лица и попытался оттереть руки. У меня самой все тело покрылось потом, хотя я не затратила ни капельки физической энергии.

– Ну как, узнали, где находится ближайшая мастерская?

– М-м-м... В трех кварталах отсюда.

– Подождите минутку, я только надену рубашку и тут же последую за вами.

Боже, стыдно-то как.

– Хорошо. Спасибо вам.

С минуту я сидела в своей машине, радуясь тому, что у меня есть возможность собраться с мыслями, прежде чем мне придется вести машину. Как давно у меня не было секса? Восемь месяцев? Черт, наверное, надо было все же вчера вечером покувыркаться в постели с Мэйсоном, чтобы удовлетворить свое либидо. Стоило увидеть красивый мускулистый пресс, и мои трусики стали мокрыми. Я чувствовала себя как сексуально озабоченная семнадцатилетняя девица.

К тому времени, как мы оставили мою машину в автомастерской, было уже почти половина восьмого, и мне пообещали, что я смогу забрать ее лишь утром. Кейн все это время был рядом и даже помог выбрать хорошую шину по сходной цене, несмотря на то что продавец попытался всучить мне ту, что стоила больше моей зарплаты в баре за целую неделю

вместе с чаевыми.

– Я чувствую себя, словно заезженная пластинка, – сказала я, сидя в машине Кейна. – Я постоянно либо извиняюсь, либо благодарю вас.

– Ничего страшного. Как вы смотрите на то, чтобы все же глянуть сейчас программу занятий и вместе выработать правила игры на этот семестр? – Он взглянул на часы. – Уже довольно поздно. Я могу подбросить вас домой, если вы устали.

– Вообще-то я сова. Это по утрам мне тяжело вставать.

Он кивнул.

– Отлично, тогда поехали.

Но, прежде чем он завел машину, мой желудок ужасающе заурчал. Это был громкий булькающий звук, громко раздавшийся в тишине салона. Невозможно было сделать вид, что ничего не произошло.

Кейн усмехнулся.

– Как насчет того, чтобы спланировать нашу работу за ужином?

Мне действительно страшно хотелось есть. Я собиралась перекусить перед выходом с работы, но ничего не получилось. Да, сегодняшней день оказался поистине днем неосуществленных планов.

– Было бы неплохо.

Он наконец завел мотор.

– И что бы вы хотели на ужин?

– Вообще-то я неприхотлива. Соглашусь с любым вашим

выбором.

– Как насчет бургера? Вы едите мясо?

К счастью, было достаточно темно, чтобы он не заметил румянца смущения, залившего мои щеки.

– М-м-м... Да, ничего не имею против мяса.

По странному стечению обстоятельств именно мяса жаждали сейчас мое тело и мозг.

Глава 4. Рэйчел

– К вашему сведению, я не сказал вам ни слова неправды в нашу первую встречу. Вы и правда кого-то мне напоминаете. – Кейн отхлебнул пива.

Тот факт, что он взял пиво, показался мне весьма странным. Я ожидала, что он закажет что-то более изысканное – дорогое вино или выдержанный скотч. Расслабленный, с пивом в руке, профессор Уэст предстал сейчас передо мной совсем в ином свете. Или, возможно, это его великолепный пресс так подействовал на мое восприятие?

– Мы, вероятно, встречались в кампусе, – сказала я, хотя и была уверена, что не видела его раньше. Уж я бы не забыла такого мужчину.

– Возможно.

– Вы часто посещаете «У О’Лири?» – спросила я.

– Прошлой ночью я был там впервые. Остановился по дороге домой, когда ехал от друга. Он только что перебрался в новый дом в нескольких кварталах отсюда.

– Ну, а я в основном либо здесь, в баре, либо дома, отсыпаюсь. Мало на что еще хватает времени в такие дни. – Я указала на него палочкой моцареллы и ухмыльнулась. – И это вряд ли изменится в ближайшее время. По сведениям журнала *People*, этот год весь будет посвящен работе, и никаких развлечений.

– О, вот как? Журнал *People*? Звучит очень солидно, без сомнения, это надежный источник для определения ваших ожиданий и планов на будущее.

– Думаю, именно так. Я ответила на пять вопросов, чтобы получить это пророчество, так что оно довольно надежное. Один неверный ответ, и я была бы обречена на год приключений или умиротворяющего самопознания.

– Все же попытайтесь включить хоть чуточку развлечений в свое расписание, иначе жить будет скучно. Знаете, как говорят – мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем.

– Скучный образ жизни меня вполне устраивает. Я стараюсь избегать лишних волнений.

– Избегать волнений? Сколько вам лет? Двадцать два, двадцать три?

– Двадцать пять. – Я пожала плечами. – В подростковом возрасте мне хватило приключений на всю оставшуюся жизнь. Я тогда совершенно вышла из-под контроля. Сейчас я получаю удовольствие от того, что наверстываю упущенное со своей взрослой жизнью. Много работы – это хорошо. Быть взрослой – тоже хорошо.

Кейн задумчиво потер подбородок.

– Вышли из-под контроля, правда? Это как?

– Нет, профессор, об этом я вам рассказывать не буду. Я и так уже произвела на вас достаточно плохое впечатление. Приберегу некоторые из этих историй на потом и поделюсь ими только после того, как докажу вам, насколько я умна и

талантлива.

Кейн улыбнулся. Это была первая непринужденная улыбка, которую он себе позволил. Откинувшись на спинку диванчика, он небрежно положил на нее руку.

– Ладно, пусть так. Тогда расскажите мне о себе в музыке. Таким образом я смогу узнать немного о вашем уме и таланте, и это поможет мне спланировать, какие занятия вы будете вести.

– Что бы вы хотели узнать?

– Почему именно музыка?

– Вы имеете в виду, почему я выбрала музыку в качестве профилирующего предмета?

– Нет. Совершенно очевидно, что вы выбрали этот предмет, так как любите музыку. Но почему вы любите музыку?

– На самом деле это слишком широкий вопрос, ответ на него невозможно уложить в несколько предложений.

– И все же попытайтесь. Ведь здесь нет ни правильного, ни неправильного ответа.

– Хорошо. – Я задумалась на несколько долгих мгновений. – Музыка выражает все то, о чем люди не могут сказать словами, но и не могут промолчать.

Он отреагировал не сразу.

– Поете? Или играете на каком-то инструменте? – спросил он, переварив мой ответ.

Я улыбнулась. Из-за того, что я выбрала музыку профилирующим предметом, мой ответ всегда смущал людей.

– Ни то, ни другое. Я могу правильно воспроизвести мелодию, но пою не слишком хорошо, и я не хочу совершенствоваться в игре на каком-либо инструменте, как это делает большинство студентов, посвятивших себя музыке.

Восемьдесят пять процентов всех студентов нашего факультета пели или играли на гитаре или фортепиано. Остальные пятнадцать процентов составляли барабанщики или саксофонисты.

– Не могу сказать, что часто приходится слышать подобное.

– Понимаю, за время учебы я научилась вполне прилично играть на нескольких инструментах, но я не хочу быть музыкантом или рок-звездой. Степень магистра у меня будет по специальности «музыкальная терапия».

Официантка принесла тарелки с гигантскими гамбургерами. Я надеялась, что это отвлечет от меня внимание Кейна, но тот, должно быть, был поглощен тем, что пытался сложить общую картину из тех кусочков информации, которыми я успела с ним поделиться.

– Могу предположить, что то, что вы пытаетесь выразить через музыку и что невозможно рассказать словами, – это и есть то самое, что заставило вас вый ти из-под контроля в юные годы.

– Я настолько прозрачна или вы так легко можете читать в душах людей?

Его взгляд пытливо изучал мое лицо.

– Ни то, ни другое. Скажем, я просто неплохо разбираюсь в людях.

Я кивнула, соглашаясь.

– Ну, а что насчет вас? Вы хотели быть рок-звездой?

– Что-то вроде того.

Я хмыкнула и заметила, прежде чем приняться за гамбургер:

– Здорово. Спасибо, что поделились. Да вы просто открытая книга.

Кейн усмехнулся.

– А вы, похоже, настоящая всезнайка?

– Вы всегда так туманно и уклончиво отвечаете на прямые вопросы?

Он некоторое время молча смотрел на меня, пережевывая и глотая свой гамбургер.

– Ну, хорошо. Я действительно хотел стать рок-звездой, когда был помоложе. Это достаточно ясный ответ для вас?

Я улыбнулась.

– Вы поете? Или играете на каком-то инструменте?

– Я играл на ударных.

– Играли или играете?

– Вы задаете слишком много вопросов.

– Это вас беспокоит?

Он усмехнулся.

– И не только это. Ешьте свой бургер, мисс Мартин.

После этого мы ужинали в относительном молчании, но

это было вполне непринужденное молчание. Кейн быстро очистил свою тарелку, а я все еще ковырялась в картошке фри, когда зазвонил его мобильный телефон. Бросив быстрый взгляд на имя на экране, Кейн извинился, сказав, что ему нужно ответить на звонок, и вышел из-за стола, чтобы поговорить наедине. Мы были не на свидании, но у меня сразу же мелькнула мысль, что он женат и не хочет, чтобы его жена знала, что он с кем-то проводит время. Образ гнусного обманщика Оуэна все еще был свеж в моей памяти.

Вернувшись, Кейн извинился.

– Сожалею, что мне пришлось вас оставить.

– Ерунда, – ответила я небрежно. И все же по какой-то совершенно необъяснимой причине почувствовала раздражение. – Мы покончили с едой, так что можем начать работу. Я и так отняла у вас слишком много времени.

Как только убрали со стола, Кейн достал из сумки папку, и мы начали просматривать программу занятий. Мы в общих чертах накидали план моих первых лекций и договорились о встрече на следующий день, чтобы обсудить план оставшихся лекций и занятий и некоторые другие первостепенные вопросы. Мы договорились, что я буду присутствовать на трех из пяти его занятий и вести одно из них в качестве преподавателя. Кейн спросил о моем рабочем графике и назначил дополнительные занятия со студентами, которые я должна вести, на те часы, когда я буду свободна от работы в баре «У О’Лири», что было весьма великодушно с его стороны. Когда

мы закончили обсуждение, Кейн заказал кофе, откинулся на спинку стула и задал совершенно неожиданный вопрос:

– Так какие слухи обо мне все-таки дошли до вас?

– Вы действительно хотите это знать?

– Уверен, что уже слышал большинство из них. Но давайте, выкладывайте все, а я скажу, правда это или нет.

– Ну, хорошо. Для начала я слышала, что вы помешаны на пунктуальности. Думаю, нет необходимости спрашивать, правда ли это.

– Полагаю, что нет. – Он улыбнулся. – Что-нибудь еще?

– Вы уволили свою последнюю ассистентку, потому что она недостаточно строго ставила оценки студентам.

Он серьезно кивнул.

– И это тоже правда. Хотя вы упускаете часть истории. Она недостаточно строго оценивала работу только *своего парня*. Видимо, ее впечатлило то, что он намеревался сделать с ней... надо сказать, тут он приложил массу фантазии. Я все понял, когда увидел, что он писал ей в своих тестах. Ответы были не совсем по теме музыки, но при этом он получал только высшие оценки.

– О! Вот как?

– Что-нибудь еще?

Сама не знаю почему, но я решила приврать насчет слухов о нем, чтобы удовлетворить собственное любопытство.

– Вы женаты, и вас едва не выгнали с работы за то, что вы спали со своими студентками.

Взглянув на его лицо, я поняла, что попала в больное место. Кейн стиснул зубы, и его полные губы сжались в тонкую линию.

– Не женат и перестал спать со студентками после первого года работы.

Я сморщила нос.

– Значит, вы и правда спали со своими студентками?

– Я был молод и глуп. В первый год, когда я начал работать преподавателем, я проводил почти все время в кампусе. Это было единственное место, где я мог с кем-либо встречаться.

– А вы когда-нибудь слышали о сайте знакомств *match.com*?

– Конечно, всезнайка. Но люди редко бывают такими, какими они представляют себя на подобных сайтах.

Я невольно фыркнула.

– Можете мне не рассказывать!

Кейн приподнял бровь.

– Судя по всему, вам эта ситуация знакома не понаслышке.

– На самом деле я с этим столкнулась только вчера вечером.

– И?..

– У него было только одно на уме.

– Секс?

Я сокрушенно кивнула.

– Мужчины иногда бывают такими засранцами. Без обид.

Его дьявольски соблазнительная губа снова дернулась.

– А я и не собираюсь обижаться. Если, конечно, вы меня не станете так называть, хотя это было бы уже не впервые.

– Но вы ведь не проводите недели, общаясь с женщиной и рассказывая ей, что ищете глубоких отношений, а на первом же свидании откровенно показываете, что не желаете ничего, кроме секса?

Взгляд Кейна переместился на точку между моими глазами.

– Я никогда не ищу глубоких отношений. Но я заранее предупреждаю об этом, чтобы избежать каких-либо ожиданий. Впрочем, могу вам сказать, что даже если я с самого начала предупреждаю об этом, женщины далеко не всегда слышат, что им говорят. Они слышат только то, что хотят услышать. – Он помолчал. – Думаю, можно сказать, что женщины тоже бывают засранками. Без обид.

Я рассмеялась.

– А я и не собираюсь обижаться.

Его глаза в задумчивости блуждали по моему лицу.

– Могу ли я дать вам один совет?

– Разумеется.

– Вы очень красивы. Любой мужчина, который скажет вам, что в момент встречи с вами у него даже мысли не возникло о сексе, просто лживый говнюк. Но человек, который не может признаться в этом даже самому себе, – это совсем не то, что вы ищете, и не стоит обращать на него внимание.

Скорее всего, он вообще не интересуется женщинами, и на него не надо тратить свое время.

Он был абсолютно прав, но я подумала, что у меня еще будет время проанализировать его теорию, а в тот момент меня интересовало лишь одно... *неужели он прямо сейчас думает о сексе со мной?*

Глава 5. Рэйчел

Курс назывался «Музыкально-слуховая деятельность».

Все ясно. Лекция была посвящена восприятию музыки. Я снова сидела на заднем ряду, и все мое внимание было поглощено профессором Уэстом, который рассказывал студентам о том, как различные люди – философы, композиторы, светила медицины и даже простые подростки представляют себе процесс восприятия музыкальных произведений. Я вспомнила, что уже проходила подобный курс в первый год бакалавриата, когда мне еще не исполнилось и двадцати одного года. Тогда эти заумные теории не произвели на меня особого впечатления. Наверное, я с тех пор повзрослела и теперь, в двадцать пять, могла по достоинству оценить все эти рассуждения. По крайней мере, в исполнении данного конкретного профессора, которого я слушала, затаив дыхание.

В то время как я замерла, вся обратившись в слух, богемного вида парень в вязаной шапочке, сидевший по соседству, увлеченно рисовал голых женщин. Он всю страницу заполнил набросками обнаженных женских тел, не прорисовывая лиц, и рисунки эти, несмотря на всю их пошлость, были по-своему впечатляющими, хотя и весьма схематичными. Он пожал плечами, когда заметил, что я на них смотрю, улыбнулся и прошептал:

– А чем еще заняться, пока этот напыщенный придурок несет свою белиберду?

Кейн не относился к числу преподавателей, которые прилипают к своему месту за столом или к кафедре, читая лекции. Он бродил по аудитории и всячески взаимодействовал со студентами.

– Восприятие музыки можно разделить на следующие категории: информативное, осознанное, критическое, социокультурное, перцептивное, различительное. Способ и время подачи звука могут влиять на то, что мы в результате слышим. А теперь скажите мне, где вы слушаете музыку, что является ее источником и какого исполнителя вы в последний раз слушали?

Тут же поднялся лес рук. Девушка, сидевшая в первом ряду, ответила:

– В поезде, через айфон. А слушала я песни Адель.

Затем подал голос еще один студент:

– Я работаю в спортивном комплексе «Мэдисон-сквер-гарден» и поэтому постоянно слушаю живую музыку. В последний раз это была джазовая импровизация в исполнении Maroon 5.

В лекционном зале ряды были разделены двумя лестницами на три отсека. Я сидела в верхнем ряду средней части, совсем близко от левой лестницы. Кейн постепенно поднимался вверх, останавливаясь через каждые пару ступенек, чтобы выслушать ответы студентов.

Парень с длинной бородой, сидящий на несколько рядов ниже меня, заявил:

– А я работаю в службе доставки и слушаю музыку в грузовичке через плеер. Прошлой ночью это был старый альбом группы Slayer.

Девушка в другом конце зала сказала:

– Я слушаю музыку на работе. В приемной врача, где я работаю администратором, постоянно звучит одна и та же инструментальная музыка.

– Похоже, большинство слушают музыку на работе или в транспорте. Кто-нибудь слушает ее в других ситуациях? – Кейн поднялся еще на несколько ступенек и остановился почти у того ряда, где сидела я. Это давало мне прекрасную возможность смотреть на него, не вызывая у других подозрений в излишнем интересе. Кейн беседовал со студентом, сидевшим неподалеку от меня, а я пожирала профессора глазами.

Сегодня на нем был наглухо застегнутый темный пиджак и белая рубашка с мелким рисунком, без галстука. Я, конечно, мало что смыслю в моде, но всегда могу отличить дорогую одежду, и мне было совершенно ясно, что Кейн выкладывал за свои шикарные рубашки больше, чем я за большинство своих нарядов. Весь его элегантный облик говорил о финансовом благополучии, хотя дорогой пиджак с рубашкой и дополняли джинсы и простые черные кроссовки. Кожа его была покрыта легким естественным загаром, и я решила,

что он, скорее всего, имеет европейские корни – греческие или итальянские. Это сложно было определить, но, в любом случае, передо мной стоял великолепный образчик мужской красоты, с точеным лицом и рельефным телом. У него был идеально прямой нос, и, надо признаться, я никогда не видела столь совершенного классического профиля. Кейн стоял ко мне боком, и я могла любоваться его густыми черными ресницами, обрамлявшими лучистые, шоколадного цвета глаза. Да за такие ресницы любая женщина отдала бы целое состояние. На четко очерченном подбородке проступала небольшая щетина, словно его слегка присыпали черным перцем, и я невольно представила, как жесткие волоски при прикосновении покалывают мою кожу. Я сидела, глубоко погружившись в сладкие мечты, и вдруг почувствовала на себе его пристальный взгляд. Он смотрел на меня, прищурив глаза, в которых я заметила веселые искорки, хотя он не улыбался.

Профессор поднялся еще на одну ступеньку, и я изо всех сил постаралась сделать безразличное лицо, как будто только что мысленно не возносила хвалу его предкам и не предавалась запретным мечтам, – и вдруг с изумлением поняла, что прямо перед моими глазами его ширинка. Я попыталась было перевести взгляд на какую-нибудь другую часть его тела, но продолжала сидеть как зачарованная. Что это? У него что-то в кармане или?.. Судя по очертаниям, это было нечто впечатляющее.

Кейн повернулся, чтобы обратиться к студентке по другую сторону лестницы, его джинсы еще больше натянулись в том самом месте, и мои предположения подтвердились – только представьте себе, этот роскошный мужчина к тому же был обладателем весьма впечатляющего члена. Я отвернулась, чтобы не глядеть на эту весьма заметную выпуклость, и сидящий по соседству парень в вязаной шапочке, рисовавший обнаженных женщин в блокноте, игриво улыбнулся мне. Я улыбнулась в ответ... И в этот момент Кейн обратился к нему.

«Художник» в вязаной шапочке был первым, с кем он заговорил, хотя тот не поднимал руку и не вызывался отвечать на вопросы. Может, Кейн заметил его художества и решил привести его в чувство, вернув к теме лекции.

– А как насчет вас? – довольно резко спросил он. – Какую последнюю композицию вы слушали и с помощью каких именно средств воспроизведения?

Парень вызывающе ухмыльнулся.

– Я слушал Фаррела с помощью навороченной аудиосистемы фирмы Bose у себя в спальне, когда занимался сексом.

В аудитории раздались смешки.

– Благодарю вас, мистер...

Кейн протянул ему бланк для заполнения, и тот послушно взял его.

– Людвиг.

Профессор кивнул и, отвернувшись от него, вновь обра-

тился ко всем присутствующим:

– Все описанные случаи являются примерами осознанного восприятия. К следующему занятию я попрошу вас скачать композицию Джейсона Деруло «Трубы». Прослушайте ее, используя любое средство воспроизведения, с помощью которого вы в последний раз слушали музыку, – наушники в поезде, проигрыватель в фургончике или, как в случае мистера Людвига, навороченную аудиосистему Bose, которую он использовал, занимаясь онанизмом.

Аудитория взорвалась хохотом.

– Когда закончите прослушивание, я хочу, чтобы вы ответили на вопросы, изложенные на этом листочке. – Кейн принялся раздавать вопросник студентам на первом ряду, и те передавали его дальше. – Это вовсе не тест, поэтому отвечайте на вопросы со всей искренностью. Советую не читать вопросы до того, как прослушаете композицию хотя бы один раз. В противном случае ваш мозг будет искать ответы на вопросы, и это уже не будет спонтанным восприятием. На следующем занятии мы сравним ваши результаты с результатами, полученными, когда задействован другой тип восприятия.

Через несколько минут пара закончилась, и студенты гурьбой поспешили к выходу. Я дождалась, пока аудитория опустела, и спустилась вниз, чтобы побеседовать с Кейном.

– Поразительно, вы сегодня не опоздали и никаких пятен на одежде я не вижу, – не поднимая головы, произнес он,

убирая ноутбук в сумку.

– Знаете, я всегда считала, что впечатление, которое человек производит в четвертую встречу, самое важное. – Я улыбнулась.

Кейн застегнул сумку. Я было подумала, что наш разговор приобрел игривый оттенок, но, очевидно, я ошибалась. Он заговорил строго, и взгляд у него был соответствующий.

– Вы не должны панибратски общаться со студентами.

– Панибратски?

– Называйте это как хотите.

– Ничего не понимаю.

Кейн фыркнул.

– Трахаться. Вы не должны трахаться со студентами. Вам это понятно, Рэйчел?

– Ну, конечно, сейчас понятно, что вы имеете в виду. Однако я не понимаю, почему у вас сложилось впечатление, что у меня какие-то отношения со студентами? Я не имею обыкновения спать с парнями из колледжа.

– А Людвигу об этом известно?

До меня, наконец, дошло, из-за чего был весь сыр-бор.

– Можете не беспокоиться, я вовсе не собираюсь завышать кому-то оценки из-за личных отношений, как ваша предыдущая ассистентка. Обещаю.

Кейн несколько секунд смотрел мне в глаза, видимо, пытаясь понять, насколько я искренна, а потом коротко кивнул.

– Итак, какая же из принцесс?

Я нахмурила брови. А потом поняла, что он, наверное, заметил, как перед занятиями я отвечала на вопросы теста в журнале *Style* под названием «Какая вы принцесса из мультфильмов Диснея?». Я бросила журнал на сумку с книгами, стоявшую на полу, когда началась лекция.

– Жасмин из мультиков про Аладдина.

– Они попали в точку?

– Хотелось бы так думать. Жасмин отличается логикой и скептицизмом.

– Но вы ведь понимаете, что все эти глупые тесты – полная ерунда?

– Боже, надеюсь. В прошлом месяце я проходила тест в журнале *Men's Health* на предмет здоровья яичек, и результат был не очень благоприятным.

Губы Кейна чуть изогнулись.

– Не надо ерничать. Вы готовы закончить нашу работу над программой лекций и занятий?

– У меня остается час перед началом моей смены в баре.

Он поднял сумку со стола.

– С вашей машиной все нормально? Вам удалось забрать ее из мастерской?

– На самом деле... нет.

– А что случилось?

– Когда они сняли шину, то обнаружили, что шаровые шарниры... или подшипники... или как там они называются, не в порядке. Сегодня они их тоже заменят.

– Может, подвезти вас до работы?

– Не стоит, я и автобусом могу добраться. Он довезет меня из кампуса прямо до остановки в паре кварталов от бара «У О’Лири».

– Я просто хотел предложить перекусить вместе, а заодно закончить планирование занятий. У меня вечером заседание кафедры, и хотелось перед этим немного подкрепиться. Вот я и подумал: почему бы не сделать это в вашем баре? В таком случае вам не придется никуда бежать, когда начнется ваша смена.

– Это было бы замечательно. Я вас угощаю. – Я улыбнулась. – Потому что еда нам достанется бесплатно.

* * *

– Похоже, что кто-то все-таки сходил в супермаркет? – Чарли сверлил взглядом Кейна, стоявшего у меня за спиной.

– М-м-м... Нет. Это профессор Кейн из консерватории. Я его ассистентка. Кейн, это Чарли. Хозяин бара «У О’Лири». Кейн протянул ему руку.

– Приятно с вами познакомиться, Чарли.

Чарли пожал ему руку.

– Надеюсь, за вами не числится никаких правонарушений, профессор?

– Правонарушений?

– Ну да. Не хотелось бы, чтобы моя девочка попадала в

неприятности.

Мне ничего не оставалось, как только вмешаться в разговор:

– Чарли, это мой руководитель. *Профессор*. Не думаю, что следует подвергать его допросу.

Чарли бросил на меня недовольный взгляд.

– Вот и замечательно. Но я буду за вами приглядывать.

Похоже, Кейна несколько не заботил неприветливый тон Чарли. Скорее наоборот, все это его забавляло.

– Спасибо за заботу.

Отпустив, наконец, руку профессора, Чарли немного расслабился.

– Что будете пить, профессор?

– Любое разливное пиво, которое у вас есть. Я был у вас как-то на днях. Один мой приятель недавно поселился в доме за углом, и он сказал, что у вас тут подают замечательные куриные крылышки. Но в тот вечер, когда мы с ним были у вас, кухня уже не работала, так что попробовать их мне не удалось. Как насчет того, чтобы сегодня наверстать упущенное?

Чарли был весьма консервативен. Чтобы ему понравиться, мужчина должен был отвечать двум требованиям: иметь твердое рукопожатие и восхищаться куриными крылышками, приготовленными по рецепту жены Чарли. И на сей раз его лицо оживилось, преисполненное гордости.

– Эти крылышки приготовлены по секретному рецепту

моей Одри. Вам сейчас принесут две порции. Между прочим, если вы в следующий раз придете, когда кухня уже не работает, просто дайте кому-нибудь знать, что вы друг Чарли. Мои сотрудники весьма дружелюбны.

– Я это заметил. А какой приветливой была Рэйчел, когда мы здесь с ней в первый раз встретились! – Кейн посмотрел на меня с лукавым огоньком в глазах. – Надо было к ней обратиться, чтобы она принесла порцию волшебных крылышек. Уверен, она с радостью бы это сделала.

Не подозревающий подвоха в его словах Чарли налил Кейну пиво, а мне – диетическую кока-колу и отправился на кухню, чтобы самолично приготовить крылышки. Приблизился вечер, дневные посетители уже разошлись, а вечерние еще не нахлынули, поэтому за барной стойкой сидела лишь пара завсегдатаев бара – в основном отставные полицейские, как и хозяин.

– Ловко это у вас получилось, профессор.

– А то.

Мы с Кейном уселись за столик в углу, где было достаточно места, чтобы разложить наши бумаги и поработать во время ужина. Так как я должна была вести следующее занятие, профессор объяснил мне, что он хотел бы получить от студентов при выполнении заданий, которые дал им сегодня.

– В закрытом шкафу в аудитории имеется двести наушников Bose с шумоподавлением. Объясните им, что восприятие музыки может стать совершенно иным просто при сме-

не средств воспроизведения. Попросите их прослушать композицию, которую я велел им слушать, в обычных местах – в поезде или на работе, – но при этом отсекая весь фоновый шум. А потом пусть снова ответят на вопросы, которые я им раздал сегодня. По крайней мере, половина студентов из группы услышат то, что не заметили в первый раз. Дело в том, что звуки труб в этой композиции синтезированы.

– Неужели?

– Это занятие поможет студентам хорошо усвоить, что средства воспроизведения играют большую роль в восприятии музыки, и вплотную подведет их к последующим темам, посвященным электронной музыке.

– Как интересно. Хорошо. – Я слегка нахмурила лоб. – Итак, вы хотите сказать, что разрешите студентам забрать домой двести наушников фирмы Bose? Когда я проходила эту тему пару лет назад, преподаватель не разрешал нам это делать. К тому же в колледже явно наметился прогресс, раз они потратились на такую дорогую аппаратуру, потому что раньше мы в музыкальных классах довольствовались простенькими дешевыми наушниками.

– Вообще-то эти наушники принадлежат мне, а не колледжу.

Я произвела в уме несложный расчет. Значит, на один класс было потрачено не меньше пяти тысяч долларов.

– А если вы не получите их обратно?

– Это меня никогда не волновало.

Я усмехнулась.

– Потому что студенты вас боятся.

– В отличие от ассистентки-всезнайки, – пробормотал Кейн.

У Чарли руки были заняты подносами с куриными крылышками, поэтому он открыл дверь с кухни, толкнув ее задней. Я выскользнула из-за стола, чтобы помочь ему.

– Надо было мне свистнуть, как обычно. Не стоило тащить столько подносов, открывая дверь спиной.

– Я просто не хотел мешать твоему свиданию.

– Это не свидание.

Он оглянулся на Кейна и пожал плечами.

– А по мне, так похоже на свидание.

– Вовсе нет, – твердо произнесла я. – Мы занимаемся планированием учебных занятий.

– Называй это как хочешь. – Чарли замолчал и направился к барной стойке.

Я поставила подносы с крылышками на столик и тут заметила, что пивная кружка Кейна уже опустела.

– Не желаете еще пива?

– Только если вы ко мне присоединитесь.

– Я не пью.

Кейн нахмурил брови, но потом на его лице появилось понимающее выражение, и я поняла, что он подумал.

– Я вовсе не алкоголичка, если вы подумали об этом.

– Вот и отлично.

Мне совсем не хотелось распространяться на эту тему, но он явно ждал продолжения.

– Дело в том, что я выросла в среде, где много пили. И в какой-то момент обнаружила, что в моменты, когда жизнь выходит из-под контроля, я начинаю употреблять слишком много спиртного. Не думайте, я не обращалась в реабилитационный центр или что-то в этом роде, я не являюсь членом клуба анонимных алкоголиков с пожизненным членским билетом и вовсе не помешана на трезвом образе жизни и тем не менее стараюсь пить только во время праздников или в каких-то особых случаях.

Я обычно избегаю говорить на эту тему, потому что люди начинают смотреть на меня с жалостью, когда я их посвящаю в эту сторону своей жизни. *«Понятно, у нее было тяжелое детство»*. Но, как ни странно, я не увидела подобной реакции на лице Кейна. Напротив, оно выражало восхищение, и я не представляла, что с этим делать. Все это заставляло меня чувствовать себя неловко.

– Значит, я притащу вам еще кружечку, а себе возьму безалкогольное пиво, чтобы составить вам компанию.

Он тепло улыбнулся.

– Звучит неплохо.

Вернувшись за стол, я попыталась перевести разговор на деловые темы.

– Я вот что подумала – когда подойдет время собирать наушники у студентов, я, пожалуй, не прикоснусь к тем, кото-

рые взял мистер Людвиг. Их сначала надо хорошенько продезинфицировать.

Я смотрела на мокрые от пива губы Кейна, когда он произнес:

– А знаете, ведь он рисовал сегодня вас.

– Меня? Неправда, он рисовал голых женщин с роскошными формами.

Он глотнул пиво.

– И что?

– А то, что он рисовал уж точно не меня.

Кейн прищурил глаза, и у меня возникло ощущение, что он раздумывает, говорить или нет то, что было у него на уме. В конце концов он решился.

– У вас две родинки на левой стороне шеи.

Я невольно прикоснулась к шее. Он был абсолютно прав, но обычно их закрывали волосы.

– Это вы к чему?

– У вас привычка отбрасывать волосы на одну сторону, а именно – на правую. Я заметил это еще вчера, когда вы сидели в моей машине.

– И что?

Кейн посмотрел мне в глаза.

– Те откровенные картинки, которые нарисовал ваш сосед. У них не было голов, но шея была прорисована хорошо.

– Да, я обратила внимание. Конечно, это неподобающее занятие на лекциях. Но этот парень действительно неплохой

художник.

– Да, он уделяет большое внимание деталям. У всех его обнаженных женских фигур была одна общая деталь.

Я вытаращила глаза.

– Не может быть.

Кейн кивнул.

– Две родинки на левой стороне шеи. Он определенно рисовал вас.

– Но он никогда не видел меня обнаженной.

– У него хорошее воображение. – Глаза Кейна опустились к вырезу моей блузки. Когда он снова посмотрел мне в лицо, взгляд его был полон лукавства. – Я бы даже сказал, превосходное.

От его взгляда у меня возник странный трепет в животе, который начал спускаться вниз.

О боже, только не это.

Я попыталась сбросить наваждение, отшутившись:

– Вот поэтому я и не встречаюсь со студентами. И, разумеется, не собираюсь принимать наушники из рук этого молокососа в вязаной шапочке, не говоря уже о том, чтобы сидеть рядом с ним на лекции.

– Вот и правильно, – с улыбкой произнес Кейн. – Вам лучше общаться со взрослыми мужчинами.

Он, разумеется, прав. Вот только я начала думать, что соблюдение этого правила для меня означало общение лишь с одним конкретным мужчиной.

Глава 6. Рэйчел

Приближался тот самый день месяца. Я не боялась его, просто очень ждала. Ежемесячные сообщения от Дэвиса приходили как по расписанию. Я посмотрела на экран телефона.

Дэвис: В следующую среду в 7 вечера? Скучаю по тебе.

В первую среду каждого месяца мы с тремя моими бывшими соседями по квартире собирались вместе на ужин. Дэвис был моим соседом в течение последних двух лет. У нас с ним был роман, очень недолгий – к сожалению, он пришелся на неудачный для Дэвиса период.

Я набрала ответное сообщение:

Рэйчел: С нетерпением жду среды.

Как только я нажала «отправить», вошла Ава. Она работала в раннюю вечернюю смену, обслуживала столики, и это означало, что я перебиралась за стойку бара, а Чарли отправлялся домой.

– Привет, Рэйч.

– Привет. Дэвис мне только что написал. Он собирается прийти на ужин на следующей неделе.

Ава поиграла бровями.

– Пора бы уже. Он пропустил последние три встречи. Может быть, ты сможешь напоить его и наконец прервешь период воздержания.

– Заткнись.

Ава была единственным человеком, который знал обо мне и Дэвисе. Я швырнула в нее полотенце, которым вытирала стойку бара.

– Мне не следовало рассказывать тебе об этом.

– Рассказывать? – переспросила она, а затем изобразила, как ласкает свое тело руками, проводя по бокам, и просто-напросто:

– О, Дэвис. О, Дэвис.

Я рассмеялась.

– Прекрати. Какая же ты несносная.

Пока Ава переодевалась, я думала о своем бывшем соседе. Дэвис не был типичным студентом колледжа – ни в малейшей степени. Он был южанином до мозга костей, со всеми этими вежливыми «да, мэм» и «нет, мэм», и восемь лет прослужил в армии, прежде чем приехать в Бруклин изучать бизнес. В то время когда Дэвис только появился у нас в колледже, он находился в состоянии развода. Он женился в семнадцать лет на своей школьной подруге, сделав такой романтический жест перед своей первой поездкой в Ирак. Как рассказывал Дэвис, их брак был вполне счастливым все то долгое время, пока он изредка навещал ее, приезжая в отпуск, и отсылал домой чеки. И перестал быть таковым, когда Дэвис демобилизовался и его жена внезапно обнаружила, что, когда ее муж не служит где-то на другом конце света, очень сложно спать с кем попало и не попасться при этом.

За два года, что мы прожили вместе как соседи, Дэвис стал одним из моих лучших друзей – до того самого вечера, когда мы отпраздновали его выпускной. Мы оба тогда слишком много выпили. Одно вело к другому, и прежде чем ночь закончилась... *О, Дэвис!* И хотя я никогда раньше не думала о нем в таком ключе, на следующий день я была вся такая: *О! Он отличный парень! Симпатичный! Хорош в постели.* То есть я вдруг увидела его совершенно в новом свете.

Это продолжалось чуть больше месяца. В то время как во мне все больше зрела идея замужества, Дэвис, очевидно, был совершенно не готов к новому браку. Он порвал нашу связь, объяснив, что слишком мало времени прошло после развода, чтобы заводить новые отношения, особенно с той, которая ему очень дорога. Я поняла – ну, или постаралась понять. В общем, после этого, когда наша аренда закончилась, мы решили разъехаться и остаться друзьями... с обещаниями дать друг другу некоторое время и, возможно, вернуться к этому вопросу в будущем. А пока... за годы службы в армии и семейной жизни он заслужил свою свободу.

Возможно, мой перерыв в свиданиях с парнями как-то и был связан с надеждой, что его обещание *«вернуться к этому вопросу в будущем»* может когда-нибудь осуществиться, и сейчас, через восемь месяцев, я, наконец-то, поняла его намек.

Мой телефон зажужжал, возвещая, что пришло еще одно сообщение.

Дэвис: Что? И никаких «я тоже скучаю»?

Мои пальцы зависли над клавишами, пока я, улыбаясь во весь рот, пыталась придумать, что бы ему написать. Ава вышла из дамской комнаты в рубашке-поло и с волосами, завязанными в хвостик. Повязывая фартук вокруг талии, она сказала:

– Чуть не забыла. Никогда не поверишь, что я сегодня смотрела.

– И что же?

– Ну, давай, догадайся.

– Ладно. Какой-нибудь порнофильм. Точно, ты смотрела порно.

– Нет, – ухмыльнулась Ава.

– Ты наконец-то закончила свой марафон с «Ходячими мертвецами»?¹

– Не угадала.

– Хоть намекни. Дай подсказку, от которой я могла бы оттолкнуться.

– Так и быть. – Ава задумчиво постучала коготками по стойке, потом ослепительно улыбнулась. – Это рифмуется с «принцесса ест».

Я рассмеялась.

– Я думаю, ты просто сошла с ума.

Парочка, которую я недавно посадила за столик номер

¹ «Ходячие мертвецы» (The Walking Dead) – видео-игра по мотивам одноименного комикса Роберта Киркмана «Ходячие мертвецы». – Прим. перев.

два, сделала знак, что готова сделать заказ. Я кивнула своей безумной подруге и указала ей на клиентов сотовым телефоном.

– Это рифмуется с «сомик ква».

Она несколько раз повторила это.

– Сомик ква, сомик ква, сомик ква... – Потом ее глаза загорелись. – Столик номер два!

Я достала блокнот и ручку из коробки под стойкой и подвинула к ней.

– Иди, прими заказ, сумасшедшая.

Я все еще смотрела на сообщение Дэвиса, пытаюсь сообразить, что бы написать в ответ, когда вдруг нашла ответ на ее загадку. Поняв, что она имела в виду, я внезапно потеряла всякий интерес к своей переписке и засунула телефон под бар, где обычно держала его во время работы.

Ава приняла заказ со второго столика и отнесла его на кухню, прежде чем вернуться к барной стойке, где я в это время наливала пиво.

– «Принцесса ест»... это ведь ты имела в виду профессора Уэста? – спросила я.

– Умница! Хотя там его звали не Кейн Уэст, а Авель Арсен.

– О чем ты говоришь?

– Сегодня я была на собрании ассистентов преподавателей и там встретила парня, который был ассистентом доктора Андерсона.

– Заведующего музыкальным отделением?

– Именно. Кстати, его ассистента зовут Норман – не слишком подходящее имя для двадцатилетнего парня, но он симпатичный. Он попросил меня выпить с ним и еще с парочкой ассистентов в эту пятницу, так что ты идешь со мной.

– Хорошо, пойду... – Я была рада, что Ава нашла чем вдохновиться после всего, что пережила с Оуэном. Хотя я до сих пор так и не поняла, как этот парень связан с Кейном или кто такой, черт возьми, этот Авель Арсен. – Но какое отношение это все имеет к профессору Уэсту?

– Доктор Андерсон сказал ему, что профессор Уэст когда-то играл в музыкальной группе. У них даже намечался контракт с одним из крупнейших музыкальных лейблов. – Она вытащила телефон, нашла там что-то и повернула его экраном ко мне. – Вот, познакомься с Авелем Арсеном.

Видео было мутным, а качество звука – ужасным, вероятно, оно было снято еще на смартфоне первого поколения. Все, что я смогла разглядеть, – это четверо парней, играющих где-то далеко на сцене.

– Смотри, смотри дальше, – сказала Ава.

Наконец, уже ближе к концу записи, человек, снимавший это видео, воспользовался зумом телефона и увеличил картинку, переведя камеру на барабанщика, который еще и пел. Его голова с длинными волосами, закрывающими лицо, была опущена, он яростно стучал по барабанам и дергался в такт музыке. Было что-то невероятно сексуальное в том,

как крепко он сжимал палочки, как рельефно напрягались его мышцы при каждом движении. Какой же выносливостью должен был обладать человек, чтобы так двигаться в течение нескольких часов подряд.

Легкий трепет у меня в животе возник еще до того, как музыкант поднял голову. Но в тот момент, когда его взгляд встретился с камерой, у меня перехватило дыхание.

Профессор Уэст подростком был так же великолепен, как и сейчас. Только тогда он был в образе эдакого плохого парня-музыканта со всеми сопутствующими признаками. Сейчас, глядя на профессора Уэста, его вполне можно было бы принять за джазового или даже классического музыканта. Каким-то образом сексуальный плохой парень вырос в сексуального зрелого мужчину.

Когда музыка смолкла, Кейн поднял голову и подарил зрителям кривую ухмылочку. Его волосы до плеч были мокрыми от пота, он подбросил одну из палочек в воздух, поймал ее другой рукой, а затем свободной рукой, закинув ее за спину, стянул с себя промокшую футболку. Девчонки зашлись в восторженных криках от вида великолепных кубиков его мускулистого торса. Его приветствовали так же иступленно, как приветствуют каких-нибудь рок-звезд типа «Битлз».

Ничего себе!

О, эта улыбка!

Это великолепное тело!

Просто супер!

Очевидно, у Кейна Уэста много слоев, и мне удалось лишь слегка поцарапать самый верхний из них.

* * *

Когда я вернулась домой в тот вечер, было уже больше двух часов ночи. Ноги просто отваливались, и все, чего я хотела, это понежиться в ванне, а потом хорошенько выспаться. На следующий день мне в кои-то веки не нужно было идти с утра на занятия или на работу. Ванна была теплой, и я подставила ноги под струю воды из крана, а сама откинулась назад и расслабилась.

Хотя у меня в голове были и другие мысли, помимо отдыха. Как только я закрыла глаза, перед моим мысленным взором тут же возник образ молодого Кейна Уэста на сцене. Я переслала себе видео с телефона Авы и вечером между подачей напитков просмотрела его большее число раз, чем хотела бы себе в этом признаться.

Наконец сдавшись, я потянулась за телефоном и позволила себе еще раз посмотреть это видео. Здесь, наедине с собой, уже не боясь того, что буду поймана многозначительно ухмыляющейся Авой за тем, как пытаюсь украдкой взглянуть на экран телефона, я смогла внимательно рассмотреть запись, пытаюсь обнаружить черты и манеры сегодняшнего Кейна. Некоторые я узнала – как он кривил губы и как качал

головой, когда женщины начинали выкрикивать его имя, пока он исполнял соло на своих барабанах. То, как он ходил по сцене, как будто она принадлежала ему одному. Сегодня его сценой был класс, но уверенность, с которой он расхаживал по аудитории, была все той же. И все же больше всего меня поразили его руки. Каждый раз, когда он стучал в барабан, вена, идущая от бицепса к предплечью, вздувалась. Я никогда не думала, что вена может выглядеть так сексуально.

После того как я очередной раз закончила смотреть эту запись, ванна почти наполнилась, и я пальцами ног закрутила вентиль. Я знала, что не смогу заснуть сегодня, если не удовлетворю свое любопытство, поэтому поискала в «Гугле» старый сценический псевдоним Кейна.

Авель Арсен.

Я была потрясена, когда на экране появились тысячи ссылок.

Прокручивая страницу за страницей, как сумасшедшая, я рассматривала все новые и новые фотографии Кейна. Он не был солистом группы, но, очевидно, пресса его обожала, да и кто бы устоял? На нескольких фотографиях я заметила одну и ту же девушку с длинными темными волосами. Она была очень тоненькая, пожалуй, даже излишне худая. Впалые щеки делали ее красивой, но высокие скулы выступали слишком резко. На большинстве фотографий она была в темных очках и, казалось, старательно избегала внимания камеры. Там были разные ее фотографии с группой, на некоторых

она была с Кейном, причем его рука обнимала ее как-то уж слишком покровительственно. Она определенно была моложе его – семнадцать или восемнадцать, в лучшем случае, и я не могла бы сказать, это его девушка или младшая сестра.

Когда я отсортировала фотографии и статьи по датам, то обнаружила, что самым последним из них уже девять лет. Через три или четыре страницы в результатах поиска обнаружилась статья о смерти солиста группы, Лайама Маршала. После этого всякие упоминания об Авеле Арсене исчезли.

«Что же с тобой случилось, Абель Арсен? А главное, как ты докатился до того, чтобы превратиться в профессора Кейна Уэста?»

Глава 7. Кейн – пятнадцать лет назад

– Благословите меня, святой отец, ибо я согрешил.

Глядя на распятие, висевшее в крошечной, тускло освещенной кабинке исповедальни, я сделал вдох, глубоко втягивая в себя дым, пока красный огонек не дошел до конца сигареты, обжигая мне большой и указательный пальцы.

– Ты не смеешь молить о прощении, ибо ты погряз в грехе. Покайся, мерзкий ублюдок.

– Прояви хоть каплю уважения, следи за языком. В конце концов, мы в церкви.

Лайам рассмеялся по ту сторону темной кабинки.

– Ну, да, конечно. Ты только что выкурил толстенный косяк в исповедальне, а это я, оказывается, веду себя недостойно, употребив парочку крепких словечек.

Он был по-своему прав. Голова моя плыла, и я уже начал чувствовать себя полностью расслабленным под воздействием «дури». Нашарив на полу остаток косяка, я сунул его еще теплым в карман.

– Пора делать ноги, – произнес Лайам.

– Мы же должны работать здесь до полудня.

– Да ну на хрен! Если отец Фрэнк спросит, где я, скажи, что я пошел домой драть. – С этими словами он с шу-

мом захлопнул раздвижное деревянное окошко, разделяющее две половины исповедальни, через которое мы разговаривали, и вышел, хлопнув дверью.

У меня еще оставалось полчаса до того, как надо было идти отмечаться у отца Фрэнка, поэтому я устроился поудобнее, опершись спиной о стену, покрытую мягкой красной обивкой, в надежде вздремнуть. Кресло священника было чертовски удобным, наверное, чтобы компенсировать те часы, которые служители церкви каждую субботу проводили, выслушивая всякую чушь от прихожан. Я не мог представить, как святые отцы могли сидеть здесь всю свою жизнь. Я чуть на стенку не полез, проведя в церкви всего несколько субботних дней.

Недели три назад моя мать застала нас с Лайамом, когда мы прогуливали школу. Это был выпускной год, и родители обычно спокойно воспринимали наши прогулы. Но не сам факт моего отсутствия в школе заставил благочестивую Грэйс Уэст сорваться с катушек. Маму взбесило даже не то, что она застала меня с вдрызг пьяной Эмили Уиллис, когда она, полуголая, отсасывала у меня во дворе. Она заставила меня в течение месяца по субботам убираться в церкви Святого Киллиана именно из-за моего пристрастия к музыке. Родителям была ненавистна мысль о том, что я не собираюсь идти учиться в колледж, а потом работать в уважаемой инвестиционной компании, принадлежащей нашей семье и носящей ее имя.

Итак, меня приговорили к изнурительным общественным работам за то, что я хотел играть на барабанах и петь. После того как мать провела длительную беседу с отцом Фрэнком, он при любой возможности напоминал нам с Лайамом, что музыка – недостойное занятие для мужчины. Слава богу, оставалась последняя неделя до окончания наказания.

Я уже начал клевать носом с закрытыми глазами, когда дверь исповедальни со скрипом отворилась. Я было решил, что это вернулся Лайам.

– Уже успел нагрешить, жалкий неудачник? – произнес я.

Но ответил мне определенно не Лайам. Голосок был тоненький, дрожащий и явно девчачий.

– Благословите меня, святой отец, ибо я согрешила.

Вот дерьмо.

За решетчатым окошком была девчонка, и она приняла меня за священника. По звуку ее голоса я определил, что ей было не больше десяти-одиннадцати лет.

И в каких же таких грехах эта мелкая еще собралась ка-яться?

Наверное, мне следовало открыть дверь исповедальни и уйти, пока она не начала выливать на меня свои темные секреты. Не наверное, а *точно* мне надо было удирать как можно скорее. Но... возможно, под воздействием забористой травки мне вдруг стало любопытно, что она расскажет этим дрожащим тоненьким голоском. А возможно, на меня просто нашло умопомрачение. Тем не менее, вместо того чтобы

открыть дверь исповедальни и сбежать, я распахнул дверь в свое сознание, не подозревая, что это изменит мою жизнь навсегда.

– Продолжай, дитя мое, – произнес я. – Поведай мне о своих грехах.

Глава 8. Рэйчел

Кейн проскользнул в аудиторию в середине лекции.

Внезапно я поняла, почему его так смущают опаздывающие. Последние двадцать минут меня тоже очень смущал мужчина, занявший место, на котором сидела я во время предыдущего занятия. Сидевший рядом с ним мистер Людвиг, художник в стиле ню, нервничал не меньше меня. Хотя его нервозность, вероятно, в большей степени объяснялась тем, что профессор только что тихонько стянул с откидного столика блокнот, в котором тот опять рисовал сегодня, и теперь блокнот покоился в сумке Кейна.

Я старалась не смотреть туда, где они сидели, но все время чувствовала на себе взгляд Кейна. Как так получилось, что из ста пар смотрящих на меня глаз я ощущала только одну?

Я откашлялась.

– Поскольку у нас есть еще несколько минут до конца занятия, я раздам наушники, о которых мы говорили ранее. – Я подошла к шкафу в углу аудитории и вытащила несколько коробок. Передав студенту, сидящему с краю, одну из них, я попросила его взять оттуда одну пару наушников и передать коробку дальше по ряду, потом передала коробки на другие ряды. Кейн встал и молча взял несколько коробок, чтобы помочь мне распределить их по рядам в задней части лекционного зала, а потом снова занял свое место. Раздавая коробки,

я напомнила студентам об упражнении, которое давал им на первом занятии профессор Уэст, а затем предложила им выполнить еще одно задание.

– Наряду с упражнением, которое мы уже обсуждали, я бы хотела, чтобы вы все выполнили и второе задание по прослушиванию. У всех нас есть песни, которые напоминают нам о хороших временах в детстве. Выберите ту, которая вызывает в вас самые приятные эмоции. Сегодня вечером, когда вы будете дома одни, закройте жалюзи, выключите свет, сделайте комнату как можно темнее. Потом ложитесь на спину так, чтобы вам было комфортно, желательно в кровати, и прослушайте песню, которая хранит для вас эти лучшие воспоминания, используя наушники Bose. Послушайте ее дважды. Вот такое задание. Простое и приятное. А затем, на следующем занятии, мы будем использовать те мелодии, которые вы прослушаете.

Когда аудитория опустела, Кейн поднялся и подошел к кафедре.

– Хорошая работа.

– Спасибо. Не думала, что вы вообще придете. Когда вы опоздали, я немного растерялась. – Я саркастически усмехнулась. – Знаете ли, я не люблю опозданий. Считаю, что это мешает занятиям.

Кейн приподнял бровь.

– Буду иметь это в виду.

Я положила ноутбук в сумку.

– Мистера Людвига ваше появление на моем занятии не порадовало.

– Мистеру Людвигу повезло, что он все еще занимается у меня.

Кейн помог мне собрать оставшиеся неразобранными наушники с каждого ряда, я сложила их в одну коробку и убрала, вложив пустые коробки из-под наушников друг в друга.

– Итак, какую песню выбрали бы вы? – спросил он.

Я нахмурилась, изобразив непонимание.

– Хм-м?

– Задание, которое вы дали студентам. Какая песня напоминает вам о детстве?

Мне сразу же вспомнились слова старой песни Линирда Скайнирда «Дьявол в бутылке»:

Есть дьявол в бутылке, глядящий прямо на меня, Он манит меня, но я знаю, что это испытание... Если я сделаю хоть глоток, то стану дьявольским сыном... Буду вести себя как дурак, продам ему душу перед Богом и всеми, Но, Боже, я знаю, я причиняю боль только тем, кого люблю.

Однако это была бы излишняя откровенность, которую я не могла себе позволить.

– Ну, не знаю. Возможно, что-нибудь из *Maroon 5*.

Поскольку врать я совсем не умела, то отвела глаза. А когда снова посмотрела на него, увидела, что он насмешливо щурится.

– Что не так? – вызывающе спросила я.

– Брехня.

– Что вы имеете в виду? – возмутилась я, пытаюсь прикинуться дуручкой. Как назло, я почувствовала, как мои щеки запылали под его насмешливым взглядом.

– Есть какая-то песня, о которой вы подумали сразу. И это уж точно не сладенькие песенки чертова *Maroon 5*. – Он потер подбородок. – Держу пари, что таких песен даже несколько.

Вместо того чтобы продолжать лгать, я решила перехватить инициативу.

– А какая ваша песня, о мудрый и всезнающий профессор?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– «Я иду, я иду, я ухожу».

– Боб Дилан?

– Точно.

Хм... Как я ни старалась, я не могла вспомнить ни слова, но я знала, что это была серьезная и искренняя песня. И я определенно буду слушать ее сегодня вечером, воспользовавшись одолженными в колледже наушниками Bose. Нет лучшего способа отточить свои навыки критического восприятия, чем пытаться разгадать тайну Кейна Уэста. Но раз уж он поделился со мной, я чувствовала себя обязанной ответить ему тем же.

– «Боль»².

Он кивнул.

– В исполнении самого Джонни Эша или группы «Nine Inch Nails»?

Я улыбнулась.

– Джонни. Только он, навсегда. Любимый певец моей мамы.

Между нами возникла напряженность, когда мы смотрели друг на друга. Я чувствовала ее каждый раз, когда мы были вместе. В разное время это было по-разному, но напряжение было всегда – казалось, искрил и потрескивал сам воздух. Сегодня это странное чувство не имело сексуальной природы, скорее оно было вызвано пониманием и сочувствием. У нас обоих были весьма печальные переживания в жизни, соответствующие словам песни. И это напомнило мне...

– До меня дошли еще кое-какие слухи о вас.

– В самом деле?

– Ну, вообще-то теперь я знаю, что это правда. Так что это, скорее всего, и не слухи вовсе.

– Значит, вы догадалась, что слухи о том, что я высокомерный засранец, на самом деле правда, да? – поддразнил меня Кейн. – Что ж, это было нетрудно.

– На самом деле я имею в виду слухи о том, что вы бы-

² «Hurt» – последний прижизненный хит Джонни Эша – одного из самых знаменитых американских певцов и композиторов-песенников. В песне есть такие слова: Я причиню тебе боль. Если бы я мог начать все заново, За много миль отсюда, Я бы остался собой, Я бы нашел свой путь.

ли когда-то рок-звездой, подписавшей договор с известным музыкальным лейблом.

Едва произнеся эти слова, я в ту же секунду поняла, что совершила огромную ошибку. Выражение лица Кейна, до сих пор приветливое и иронично-веселое, стало холодным и серьезным. Я переступила черту, попав на запретную территорию, на которой он меньше всего хотел бы меня видеть. Он не просто рассердился, он был в ярости.

– Держитесь подальше от моей личной жизни, Рэйчел. – Я открыла рот, чтобы извиниться, но он прервал меня: – Вам пора на другую работу. И, возможно, в ближайшее время она останется у вас единственной.

С этими словами он подхватил свою кожаную сумку и рванул прочь из аудитории.

Он обозначил свой уход, громко хлопнув дверью, так, что задрожали стекла и со стен посыпалась штукатурка.

* * *

– Ты уверена, что все в порядке?

Чарли спрашивал уже в третий раз. Первый раз, когда я уронила на пол полный поднос с напитками. Два стакана разбились вдребезги, а я была так рассеянна, что порезала палец, собирая их. Во второй раз я настолько была не в себе, что перелила пиво из крана через край кружки. Теперь Чарли собирался уходить, и его лицо излучало нешуточное бес-

покойство.

– Все хорошо, Чарли. Я просто немного устала, – солгала я. – Работала над планом лекции, и у меня немного болит голова. Но я в порядке. Мне жаль, что так вышло.

– Да черт с этими стаканами, лишь бы ты была в порядке. – Он посмотрел мне в глаза. – Ты уверена? Я могу остаться, а ты поезжай домой, отдохни.

Я постаралась улыбнуться как можно беспечнее.

– Все в порядке. Но спасибо тебе.

В любом случае вечер среды был самым спокойным на неделе. Сегодня работали только мы с Элом, старым другом Чарли, тоже полицейским на пенсии, который несколько вечеров в неделю подрабатывал в баре. Я была рада, что Ава сегодня не вышла и меня некому было допрашивать о причине моего плохого настроения. Весь вечер мои эмоции металась между чувством вины из-за того, что я влезла в жизнь Кейна, и злостью на то, что он повел себя как полный засранец, когда я упомянула о его прошлом.

В небольшой открытой обеденной зоне, примыкавшей к бару, было всего несколько посетителей, и у меня оставалось достаточно времени, чтобы проанализировать то, что произошло сегодня днем между мной и Кейном. Было совершенно очевидно, что я рискнула сунуться на территорию, где мне были не рады, но я чувствовала, что это вовсе не из-за наших формальных отношений – работник – начальник. Он первым начал совать нос в мою личную жизнь, так что не

похоже, что личные отношения были для него под запретом. Скорее всего, я задела его за живое, а не просто раздвинула границы дозволенного. Он велел мне держаться подальше от его личной жизни, но, по не вполне понятным для меня самой причинам, я была уверена, что он имел в виду немного другое – держаться подальше от *какой-то определенной части его личной жизни*.

Впрочем, не это меня беспокоило. Не поймите меня неправильно, мне, конечно же, было жаль, что я расстроила его. Мне было стыдно, если бы я вторглась в жизнь любого человека, высветив в ней, вопреки его желанию, какие-то запретные страницы. Но меня смущало, насколько сильно я была этим расстроена. Меня физически влекло к Кейну, этого я не могла отрицать – да кого бы не влекло на моем месте? Но моя реакция на его грубые и резкие слова заставила меня понять, что мое влечение к нему было не просто физическим. Приходилось признать, что я влюбилась в этого чертова профессора. С самого первого дня я была им очарована.

Незадолго до девяти я вышла из дамской комнаты и проверила, как там моя единственная пара клиентов, которая задержалась за столиком, заказав кофе. Боковым зрением я заметила кого-то еще, сидевшего за одним из столиков паба, и подошла, чтобы напомнить, что кухня уже не работает. Представьте мое потрясение, когда я обнаружила, что за столом в одиночестве сидит не кто иной, как Кейн.

– Профессор? Что вы тут делаете?

Его глаза ответили за него. В их глубине затаилась тревога.

– Можете присесть на несколько минут?

– М-м-м... конечно. Позвольте мне только отнести счет на последний столик.

Кейн кивнул.

– Спасибо.

Когда я вернулась, на столике с моей стороны стола уже стояла диетическая кола, а перед Кейном – пиво. Развязав фартук, я села и стала ждать, когда Кейн заговорит первым.

– Хочу извиниться за сегодняшний день, – сказал он.

– Это я должна извиниться. Мне не следовало совать нос в вашу личную жизнь.

– Что правда, то правда. – Он улыбнулся. – Но я был неправ, так резко отреагировав на ваши слова.

Я покачала головой.

– Если кто-то и должен был знать, что у людей в прошлом есть вещи, о которых они не хотят говорить, то это именно я.

Кейн кивнул. Он провел пальцем по горлышку пивной бутылки.

– Сегодня я слушал Джонни Кэша.

– В самом деле?

Он смотрел мне в глаза.

– Я думаю, у нас у каждого есть часть жизни, которую мы не хотели бы трогать из страха пробудить воспоминания о ней.

Его слова прекрасно описывали мое отношение к прошлому. По большей части, я старалась жить дальше, не думая о нем каждый день. Но оно всегда было со мной, и я старалась держать дверь туда запертой.

– Да. Мне действительно жаль. Я и правда не подумала. Уверена, есть серьезная причина, по которой вы не упоминаете некоторые факты из своей жизни.

Кейн некоторое время молча пил пиво, глядя на меня поверх бутылки. Когда он поставил ее, то спросил:

– Как вы узнали?

Мне не хотелось никому причинять неприятностей, поэтому я ответила уклончиво:

– От друга моего друга.

Он понимающе кивнул.

Я подумала, что лучше все рассказать начистоту. Я глубоко вздохнула, прежде чем признаться.

– Я просто погуглила немного и накопила информацию на вас в интернете. Ну то есть не совсем на вас. На другого сына Адама³.

Кейн покачал головой, но на его лице появилась грустная улыбка.

– Я тогда явно нуждался в хорошей стрижке.

– Вы выглядели потрясающе. Мне понравилось. Этакий

³ Кейн – английский вариант библейского имени Каин. Сценическое имя Кейна – Авель. Рэйчел намекает на известную библейскую легенду, по которой Авель и Каин были братьями, детьми Адама и Евы. – *Прим. перев.*

сексуальный плохой парень.

– Непременно учту в следующий раз, когда соберусь к парикмахеру.

– Могу я задать вам один вопрос?

– Это поможет разобраться во всем этом дерьме?

Я широко улыбнулась.

– Непременно.

– Ну и какой у вас вопрос?

– В последней статье, которую я читала, говорилось, что вы подписали контракт с известной звукозаписывающей компанией, но я так и не смогла найти альбома. Что случилось?

Некоторое время Кейн молчал. Потом заговорил, потирая большим пальцем этикетку на пивной бутылке.

– Наш образ жизни в то время был слишком беспорядочным. Вечеринки, длящиеся всю ночь, потом сон до полудня... Я тогда потерял всякую связь с реальностью, забыл о своих приоритетах. – Он посмотрел на меня. – После того как наша группа подписала контракт с лейблом, мы несколько раз сорвали установленные в нем сроки. Альбом на время отложили. А потом я потерял близкого человека.

– Мне очень жаль.

Он кивнул.

– Я взял тайм-аут. Родители заставили меня вернуться в колледж. Мне нужно было на чем-то сосредоточиться. Они хотели, чтобы я изучал финансы и работал в семейном биз-

несе. Мы остановились на степени в области музыки, потому что я не мог представить себе жизни без нее. Позже я обнаружил, что у меня неплохо получается преподавать композицию, поэтому я продолжал учиться, пока не получил докторскую степень. – Он поднял бутылку пива и отсалютовал мне ею, прежде чем поднести к губам. – И вот я здесь.

– И вот вы здесь. – Я улыбнулась. – Спасибо, что поделились со мной.

Этот волнующий момент был прерван Элом, прокричавшим из бара:

– Я со всеми рассчитался, Рэйчел.

Я обернулась и помахала ему рукой.

– Спасибо, Эл.

– Работа на сегодня закончилась? – спросил Кейн.

– Да. Хотите, принесу еще пива?

– Нет, спасибо. Мне пора идти.

Я была разочарована его ответом, несмотря на то что просто валилась с ног после долгого дня в колледже и отработанной полной смены здесь, в баре.

Я пожелала Элу спокойной ночи, и Кейн прошел вместе со мной до моей машины. Он открыл передо мной дверцу, чтобы я могла сесть за руль, и потом придержал ее.

– Между прочим, сегодняшнее заседание кафедры было посвящено профессору Кларенсу.

Мы никогда не говорили об этом, и я не была уверена, знал ли он, что я была ассистенткой Кларенса в прошлом

году.

– Он был таким замечательным человеком. Я ведь работала у него в прошлом году.

– Да, я слышал. Ваше имя тоже упоминалось, вместе с именем другого студента. Ведь профессор Кларенс был вашим научным руководителем.

Я кивнула.

– Это он помог мне выбрать тему для диссертации. Она была близка его сердцу.

– Вы еще не нашли преподавателя, который мог бы заметить его в качестве вашего научного руководителя?

– Нет. Пока нет. Мне нужно подумать об этом.

– Если хотите, я могу вас взять.

Кажется, сюрпризы этого вчера еще не закончились.

– Вы и вправду готовы это сделать?

– Просто подумайте об этом.

– Хорошо. Спасибо.

Кейн захлопнул дверцу и подождал, пока я заведу машину. Отъезжая от тротуара, я в последний раз помахала ему рукой и подумала: *«Ну вот, у меня теперь есть новый руководитель».*

Глава 9. Кейн – пятнадцать лет назад

И о чем я только думал, мать твою?

Я сидел в тишине исповедальни и ждал. Подумать только, за всю неделю я ни разу не был под кайфом. Время приближалось к часу дня, уже перевалило за полдень, и Лайам давно ушел, да и мне следовало бы уйти. Час назад закончился последний день, когда мы отбывали нашу трудовую повинность, и все же... вот я сижу здесь в ожидании маленькой девочки, у которой и так было слишком много проблем дома, и она вовсе не заслуживала, чтобы такой придурок, как я, обманывал ее, притворяясь священником.

Но выйти и признаться ей во всем я уже не мог.

Прежде всего, я сам не мог понять, почему велел малышке снова прийти ко мне на этой неделе.

В общем, ситуация была дерьмовее не придумаешь. Каждую ночь перед сном я ломал голову, зачем я это сделал. Но никак не мог выбросить из головы робкий голосок девочки.

«Иногда он засыпает на диване с непогашенной сигаретой в руке, и тогда я думаю, что не надо ее тушить, пусть спалит весь дом». Вот что она мне сказала.

Я вовсе не был уверен, считалось ли грехом невмешательство, когда кто-то собирался причинить себе вред. Но я не

хотел, чтобы бедная девочка испытывала чувство вины по поводу того, что желала зла человеку, который, как я подозревал, был отъявленным мерзавцем.

Мне хотелось знать, что этот гад делал такого, что у маленькой невинной девочки возникали такие ужасные мысли. В ее возрасте ей следует думать о пони и единорогах, а не о поджоге собственного дома. Я невольно представлял самое страшное.

Я уже собирался уйти – и покурить травку по пути домой, чтобы очистить голову от всяческих дурацких мыслей, – как вдруг дверь в другую часть исповедальни со скрипом открылась.

– Благословите меня, святой отец, ибо я согрешила, – прошептала она.

– Разве мы с тобой не говорили на эту тему на прошлой неделе? Злые помыслы вовсе не являются грехом. Ты согрешишь, только если попытаешься их осуществить.

На самом деле католическая церковь отличается гораздо более строгими нормами, но это единственное, что я сейчас мог сказать, чтобы снять хоть часть тяжелых переживаний с ее хрупких плечиков.

– Я поняла.

Еще с прошлой встречи, неделю назад я догадался, что ей тяжело делиться с кем-то своими бедами. Мне придется завоевать ее доверие, чтобы она без утайки рассказала все, что происходит у нее дома. Поэтому я попытался разговорить ее,

затронув первую тему, которая пришла мне в голову.

– Как у тебя дела в школе на этой неделе? Тебе нравится твоя учительница?

– В школе у меня все хорошо. И учительница нормальная. Вот только Томми, мой сосед по парте, противный. Он все время сует руку себе в штаны.

Я едва удержался, чтобы не рассмеяться. *Все мальчишки этим страдают.*

– Тебе надо держаться от него подальше. Общение с ним не доведет до добра.

– Но он всегда улыбается мне.

– Понятно. Он нехороший мальчик. А в каком ты классе?

– В четвертом.

Значит, мои догадки верны – ей действительно лет десять.

– А ты своей маме об этом Томми рассказывала?

Она помолчала некоторое время, а потом ответила:

– Моя мама умерла в прошлом году.

Вот черт! Именно этого я и боялся – в доме, очевидно, не было взрослой женщины.

– Мне так жаль это слышать. – Я замолчал в растерянности, а потом добавил: – Она сейчас на Небесах. Ей там хорошо.

– Скажите, а когда человек умирает, он уже не испытывает боли?

– Значит, твоя мама болела?

Сквозь решетчатую перегородку я различал ее силуэт и

заметил, что она кивнула.

– Сейчас ей уже не больно.

– Скажите, а Йода тоже там, на Небесах?

Я недоуменно нахмурил брови.

– Ты имеешь в виду того маленького зеленого парня из

«Звездных войн»?

Девочка захихикала. Для моих ушей этот звук был слаще музыки.

– Нет. Йодой звали моего песика. У него были такие смешные торчащие уши. Он тоже умер.

– О, понятно. Конечно же, Йода на Небесах с твоей мамой.

Им там весело вместе.

– Я так рада.

– Значит, у тебя остался только папа?

– Он не мой папа. – Она ответила на этот вопрос очень быстро. *Подозрительно быстро.*

– С кем же ты сейчас живешь?

– С отчимом. Но он меня не очень любит, хотя к сестре относится хорошо. По крайней мере, иногда.

– Так у тебя есть сестра? Значит, вас двое?

– Да.

– Она старше тебя?

– Ей пятнадцать.

У меня заныло в животе.

– Откуда ты знаешь, что отчим тебя не любит? И почему ты говоришь, что к твоей сестре он иногда относится хоро-

шо?

Девочка молчала.

– Мне пора идти. Бенни скоро вернется с работы. Он может разозлиться.

– Бенни? Так зовут твоего отчима?

– Да.

Мне хотелось узнать о ее жизни побольше, но она не должна попадать из-за меня в неприятности.

– Приходи на следующей неделе, хорошо?

– Хорошо.

Глава 10. Рэйчел

В пятницу я потратила на сборы больше времени, чем обычно. Мне всегда нравился процесс обучения. Он давал мне возможность сосредоточиться, когда я чувствовала себя неуверенно. Но в эти дни я определенно ждала не самих занятий.

Дверь в кабинет Кейна была открыта, и я без стука заглянула туда. Мы посмотрели друг другу в глаза, и он, не отнимая трубку от уха, кивнул на стул возле своего стола. Я присела и стала слушать его разговор, оглядывая кабинет.

– Да. Я буду. – Выслушав ответ, он закатил глаза. – Я бы предпочел, чтобы ты этого не делала.

Он разговаривал с женщиной. Я слышала ее высокий голос, хотя и не могла разобрать ни слова. Я старалась делать вид, что не обращаю внимания на разговор, и внимательно рассматривала картины на стенах и книги на полке, но при этом хотела не упустить ни слова.

– Мы с Эллен Верман не будем парой, за какой бы столик ты ее ни усадила.

Пауза.

– Потому что у меня есть член, а Эллен это не нравится, мама.

Пауза.

– Хорошо. Извини, я больше не могу говорить. Ко мне

только что пришли. До встречи.

Кейн глубоко вздохнул и бросил телефон на стол.

– Эллен не нравится только ваш член или вообще все члены?

Он ухмыльнулся.

– Эллен отличается нетрадиционной ориентацией. Моя мать – единственный человек на планете, который до сих пор этого не понимает. Эллен – дочь делового партнера моего отца. Мы хорошие друзья, но моя мать в течение последних тридцати трех лет мечтала, чтобы мы поженились. Она звонила мне четыре раза, чтобы поговорить о том, как посадить нас с Эллен на каком-то благотворительном мероприятии, которое мои родители проводят каждый год и которое состоится еще только через два месяца. На самом деле мне надо было просто сказать ей, что жду не дождусь, когда буду сидеть рядом с Эллен, и оставить все как есть. – Его телефон снова зазвонил, но Кейн попытался проигнорировать его. – Разве у вас сегодня после обеда дополнительные занятия со студентами? Я думал, вы проводите их по четвергам.

– Так и есть. Я просто хотела зайти к вам и сказать, что, если предложение все еще в силе, я была бы очень признательна, если бы вы стали моим научным руководителем.

Кейн откинулся на спинку стула.

– Не прошло и года. Я уже начал думать, что вы мне откажете.

Скорее уж мне не хотелось показывать свое отчаянное по-

ложение.

– Ну, видите ли, – поддразнила я его, – мне пришлось рассмотреть и другие предложения.

– Вот как? Полагаю, я должен считать себя счастливым?

Я усмехнулась.

– Думаю, да.

– Почему бы вам не написать, что вы уже сделали? Я посмотрю, и на следующей неделе мы сможем обсудить план вашей работы.

– Договорились. – Я вытащила из сумочки свой айфон. – Какой у вас адрес электронной почты?

Он толкнул ко мне свой телефон.

– Наберите свой номер. Я пришлю вам свои контакты, и вы их сохраните.

После того как мы обменялись данными, я взглянула на время на своем телефоне.

– Мне пора бежать.

Кейн подозрительно посмотрел на меня.

– На свидание?

– Нет. У ассистентов преподавателей сегодня вечеринка, и я сказала Аве, что пойду с ней.

Он кивнул.

– Желаю хорошо повеселиться. Берегите себя.

На следующее утро, едва я только вышла из душа, зажуужал мой телефон, сигналив о том, что пришло новое сообщение. Я поспешно закончила вытирать волосы и схватила очки. К моему удивлению, письмо было от Кейна. Мы никогда до этого не обменивались сообщениями, и у меня внутри все перевернулось, когда я прочитала:

Кейн: Вы по воскресеньям все еще посещаете Умберто?

Несмотря на то что вчера вечером я отправила ему по электронной почте свои записи, я не ожидала, что он прочтет их так скоро. Это возбуждало и тревожило меня одновременно. Я гордилась проделанной работой с Умберто, но мой черновик содержал много личных мыслей и заметок. При мысли о том, что Кейн прочел их, я почувствовала себя уязвимой.

Рэйчел: Да, каждое воскресенье.

Кейн: Я хотел бы присоединиться к вам, своими глазами увидеть в действии методичку, которую вы разработали.

Мой пульс участился. *«Возьми себя в руки, Рэйчел, – сказала я себе. – Профессор Уэст приглашает свою аспирантку поработать над диссертацией, а вовсе не сексуальный мужчина приглашает тебя на свидание»*. Он ведь даже возражал против моих панибратских отношений со студентами. Тем не менее, любое известие от него заставляло меня чувство-

вать себя взволнованным подростком, чей телефон, наконец, зазвонил после нескольких часов ожидания звонка от симпатичного мальчика. *Боже, какая же я жалкая.*

Рэйчел: Было бы здорово. Вы можете поехать со мной в любое воскресенье.

Точки прыгали у меня перед глазами, пока я ждала его ответа.

Кейн: Как насчет завтра?

Рэйчел: Конечно. Обычно я стараюсь приходить в десять, чтобы не прерывать его ежедневные занятия.

Кейн: Стараюсь приходить в десять... это значит между десятью и полуднем?

Возможно. Я усмехнулась, глядя на телефон.

Рэйчел: К счастью для меня, Умберто не такой ярый приверженец пунктуальности.

Кейн: Я заеду за вами в 9:30.

Рэйчел: Ко мне домой?

Кейн: Только если это не проблема. Хотите, поедem на разных машинах и встретимся там.

Рэйчел: Я бы предпочла поехать вместе с вами, на одной машине. Это было бы здорово.

Я дала Кейну свой адрес, оделась и вышла, готовая к работе. И хотя день, казалось, тянулся вечно, улыбка не покидала моего лица все это время.

Я не вполне была уверена, существуют ли какие-либо правила приличия для тех ситуаций, когда ваш босс заезжает за вами домой. Должна ли я выйти на улицу в половине десятого или надо подождать, пока он позвонит мне снизу, и пригласить его подняться? Эта проблема была решена за меня, когда в двадцать минут десятого зазвонил зуммер, а я еще не успела собраться.

Я нажала на кнопку домофона.

– Кейн?

– Да.

– Поднимайтесь, третий этаж. Я открою вам дверь.

Я нажала кнопку, отпирающую входную дверь подъезда, и открыла дверь в квартиру. Когда Кейн вышел из лифта, я глубоко вздохнула, пытаясь скрыть свою реакцию на его появление. Он был одет небрежнее, чем обычно, но даже в простой, облегающей темно-синей рубашке-поло и джинсах он все еще умудрялся выглядеть чертовски сексуально. Я поняла, что дело не в одежде, которую он носил, а в том, как он ее носил. Он обладал спокойной уверенностью и непридуманной элегантностью, которые я находила чрезвычайно привлекательными. Сейчас он был чисто выбрит, и, хотя мне очень нравилась его элегантная легкая небритость, которой он щеголял уже к полудню, чистая загорелая кожа и сильные

линии подбородка показались мне не менее сексуальными.

Он бросил скептический взгляд на мои мокрые всклокоченные волосы.

– Вижу, вы, как обычно, готовы вовремя.

– Вы просто приехали слишком рано.

Взглянув на часы, он приподнял бровь.

– Сейчас девять двадцать четыре. Вам хватит шести минут на все?

Я пошире распахнула дверь и отступила в сторону, закатив глаза.

– Просто заходите.

Кейн усмехнулся и шагнул внутрь. Ну, разумеется, от него, как всегда, еще и потрясающе пахло. Не знаю, было ли все дело в его лосьоне после бритья или туалетной воде, но от него всегда исходил особый мужской запах, терпкий, лесной. Во мне внезапно возникло желание, которого я так давно не чувствовала, что на секунду мне захотелось сунуть нос в банку с кофейными зернами, лишь бы приглушить эту внезапную атаку на мое тело. Но как я объясню Кейну такую оригинальную выходку?

Моя квартира была не очень большой, но чистой и обставленной в стиле «потертый шик», который я так любила. Кейн огляделся, рассматривая безумное сочетание разных деталей обстановки. Все стулья за моим маленьким кухонным столом были разными. Две стены в гостиной были выкрашены в темно-красный цвет и украшены картинами или

фотографиями в матово-черных рамках, в то время как другие стены были голыми, некрашеными, без всяких украшений.

Спустя минуту он кивнул.

– Что?

– Это все вам подходит. – При этом по его тону нельзя было сказать, хорошо это или плохо.

– И что это значит?

– Понятия не имею. Просто мне кажется, что вы должны жить именно здесь.

– Потому что это немного безумно?

Его губы чуть дрогнули.

– Вполне возможно.

Мои руки уперлись в бедра.

– А на что похожа ваша квартира?

Все еще оглядываясь вокруг, он, казалось, задумался над моим вопросом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.